

Василий Викторович Кашкин



ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ КРИЗИС ЗАПАДА

Теория институтов для понимания
мировой экономики

Василий Кашкин

Институциональный кризис Запада

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73165143

SelfPub; 2026

Аннотация

В монографии предложены методы институциональной теории для понимания социально-экономических процессов в мире. В современных социальных

науках незримо преобладает нормативный подход к институтам: «как должно

быть», а не как есть на самом деле. Институты обсуждают с позиций того, как

они были спроектированы, как виделись своим проектировщикам. В действительности же институты – это не просто набор норм и правил, а, по сути, живые социотехнические системы.

Василий Кашкин

Институциональный кризис Запада

ВВЕДЕНИЕ. О ЧЕМ ЭТА КНИГА

США и ЕС переживают очевидные трудности. Уровень жизни среднего класса стагнирует на уровне 1980-х гг. Значительно снизилась доля этих

экономик в мировом ВВП и продолжает снижаться. Слабо растет экспорт за пределы собственных торговых зон, его доля в мировой торговле снижается.

Постепенно утрачивается влияние и авторитет в мировой политике. Нарастают социальные проблемы – прежде всего, плохо контролируемая миграция, демографические проблемы и кризис семьи, массовая наркомания.

Даже близкий к нулю рост ВВП после 2007 года в основном имитируется за

счет количественных смягчений, то есть увеличения государственного долга. Без этих вливаний, и некоторых статистических оптимизаций, по-видимому, имели бы место отрицательные показатели динамики ВВП1.

Все эти проблемы не находят объяснения в рамках западного интеллектуального мейнстрима. Сложившаяся ситуа-

ция противоречит классическим западным моделям, таким как модель экономического роста Солоу.

Действительно, современный Запад в избытке располагает всеми ключевыми факторами экономического роста: земля, природные ресурсы, хорошо образованные трудящиеся, накопленный капитал, платежеспособный спрос населения, автоматизированные рабочие места, передовые инновации и так далее. Экономика Запада не истощена военными расходами, там не происходят масштабные стихийные бедствия.

Приводят довод насчет участия Запада в глобальной экономике, которая, по законам совершенной конкуренции, требует унификации уровня цен, прибыли и зарплат. Но это объяснение экономических проблем представляется неубедительным, поскольку участие США и ЕС в глобальной экономике (экспорт или импорт) составляет менее 10% их ВВП.

Ответ достаточно очевиден – и мы видим этот ответ каждый день в новостях о западной политике. Это падение качества макроуправления.

При всей очевидности, тема деградации управления довольно редко обсуждается интеллектуалами в США и ЕС. Во-первых, это эффект «голового

короля». Никому из авторитетных интеллектуалов не выгодно первым назвать вещи своими именами, когда за это можно поплатиться должностью и другими привилегиями. Нам это хорошо известно по позднесоветскому периоду: «все недовольны, но все голосуют «за».

1 Williams, J. (2024, June 10). Alternate Gross Domestic Product Chart. Shadow Government Statistics. https://www.shadowstats.com/alternate_data/gross-domestic-product-charts

Во-вторых, современные экономические модели действительно составлены

таким образом, что в них систематически недооценивается роль управления.

Это не черта только западных исследований рыночной экономики – точно то же можно сказать и про марксистский социалистический дискурс. Описания управления, как самостоятельного фактора экономического и социального развития, он не предлагал. Управление понимается марксистами, как производная функция от правильной расстановки классовых сил и надлежащего распределения капитала. То же самое и на Западе – считается, что управление как бы вырастает само, если включена невидимая рука рынка, права собственности и демократия.

В среде социально-политических ученых на Западе произошло

самовнушение насчет всемогущества демократии, открытого общества и его

инклюзивных институтов. Апогей этого самолюбования ассоциируют с

названием работы Фрэнсиса Фукуямы «Конец истории и последний человек»². Впрочем, и сейчас нобелевские премии продолжают

вознаграждать тех, кто уверовал во всепобеждающую силу западных инклюзивных институтов. В самом этом самоуничтожении содержится ловушка.

Хотя нет сомнений в преимуществах инклюзивных институтов и открытого общества, но не объясняется, кто стоит за этими эффективными институтами, кто их делает такими эффективными. Предлагается презумпция

того, что эти институты способны к самоисправлению и самоулучшению. И это ошибка.

Неужели демократия обеспечивает эффективность институтов и управления? Обычно именно так это и понимается в западной литературе – но это не выдерживает никакой критики. Заказчиком сложного продукта не может выступать тот, кто даже близко не понимает этой сложности. Если заказчик не понимает сути, то любые внешние маркеры и метрики легко фальсифицировать. Это и делается с помощью политики спектакля или манипуляций с денежной массой.

Демократия действительно защищает интересы избирателей, то есть не

позволяет капиталистическим элитам их грабить и навязывать право силы. Демократия обеспечивает какую-то

справедливость распределения между

разными социальными слоями, помогает защищать интересы нижних классов. Демократия помогает защищать права человека.

Но качество управления – нет, демократия не об этом. Благотворное воздействие демократии на управление держится на старинной и неизвестно на чем основанной аксиоме времен Вольтера и Руссо. Эта аксиома либерализма гласит, что человек благ и ангельски чист, если только его освободить от различных тоталитарных оков. На самом деле мы хорошо знаем, что бывает с обществами, освобожденными от государства и других оков. Они переходят к примитивной, клановой самоорганизации. Находят

2 Fukuyama, F. (1992). *The End of History and the Last Man*. The Free Press, New York.

себе вождя, выстраивают первобытные принципы управления, по принципу

«сильный бьет слабых». И устраивают такой тоталитаризм и нетерпимость к

слабым, который никому и не снился в рамках государства. Это постоянно происходит на наших глазах – когда самоорганизованные народные силы

побеждают в Сирии или Ливии, они первым делом устраивают грабежи и погромы, или даже геноцид мирного насе-

ления. И продолжают самоорганизовываться в виде банд и неофеодальных кланов, таких как структуры ИГИЛ.

Поэтому сама предпосылка о том, что граждане выбирают лучших – очень спорна. Адольфа Гитлера выбрали на демократических выборах, и Эрих Фромм подробно рассматривал эту системную проблему в работе «Бегство от свободы»³.

Но даже если предположить, что граждане способны выбирать лучших, даже тогда, это лучшие на бытовом уровне понимания простого человека. Это замечательные спортсмены, эстрадные певцы, актеры и комики. Из которых сейчас и составлена практически вся западная политика спектакля. Может быть, это даже добрые детские врачи и экологические энтузиасты. Во всяком случае, к качеству управления на макроуровне все это не имеет никакого отношения.

Другой потенциальный регулятор качества управления, самый распространённый в рыночной экономике, – это конкуренция. Но концепция конкуренции мало применима к государственной власти и макроуправлению. Государственные институты по своей природе монополистичны. Концепцию международной конкуренции, как фактора управления, можно применить только к странам небольшого размера, активно конкурирующим на мировом рынке и управляемым как корпорация.

Но экономика США и ЕС построена на внутреннем спросе, который формирует более 90% ВВП. Поэтому все внима-

ние властей сосредоточено на внутреннем рынке и внутренней политике. А внутри своих стран государственная власть является естественной монополией. Разделение ветвей власти это попытка имитировать дробление монополий – но по своей природе ветви государственной власти скорее сотрудничают, чем конкурируют. В отличие от бизнеса, суд никогда не поглотит парламент, а Техас вряд ли примет в свой состав штат Вермонт. А без этого разговор о конкуренции ветвей и уровней власти остается красивой метафорой.

Получается, что на вопрос об источнике качества управления на государственном, макроуровне, в современной научной литературе практически нет внятного ответа. А между тем, это самый верхний уровень управления – и именно он задает ту институциональную среду, в которой действуют корпорации. Именно этот уровень макроуправления отвечает за

3 Fromm, E. (1941). *Escape From Freedom*. Avon Books.

функционирование демократии, рыночной экономики и других инклюзивных институтов.

По моему мнению, качество менеджмента на государственном и макроуровне обусловлено институтами. Всей совокупностью ключевых институтов, включая образование, культуру, науку, степень модернизации общества и технологий, экономику и технику.

Институты – это большой сложный корабль, ковчег, в котором плывут народы и государства. От нас зависит то, каким мы создадим этот корабль и в каком состоянии будем его поддерживать. А от корабля зависит то, переживет ли он бури и дойдет ли до цели.

Из иерархического 20-го века мы перешли в реальность преимущественно

сетевых, самоорганизующихся институтов. Институты в наше время

становятся главным нервом истории, ключом к пониманию происходящего. Даже сохранившиеся иерархические институты и модели управления встроены в более широкие сетевые взаимосвязи и являются их частью.

Институты это и субъект, и объект управления одновременно. Люди создают институты, а институты моделируют поведение людей – в том числе элит.

Процесс отношений людей и институтов, в том числе элит и институтов, недооценивается и в значительной степени вышел из-под контроля. Поэтому

совокупность отрицательных экстерналий, институциональных ловушек приобрела лавинообразный характер на Западе в последние десятилетия.

В этой книге я попытаюсь, по крайней мере, рационально объяснить эту ситуацию.

Несмотря на кажущийся абсурд многих политических и общественных событий на Западе, институциональный ра-

курс дает нам вполне рациональный способ понимания происходящего. Западные институционалисты, к сожалению, не вносят такой ясности, поскольку находятся под диктатом устаревших догм – то есть сами детерминированы кризисными институтами.

Главная цель моей книги – поговорить об институциональных методах понимания современных перемен, кризисов и перспектив развития Запада.

Западные институты – это передовые институты модернизации, долгое время демонстрировавшие всему миру образцы просвещения и прогресса. Эти наиболее развитые, по сравнению с остальным миром, институты оказались сейчас и наиболее обширным полем для изучения их поломок, несогласований, экстерналий и ловушек.

Говоря про западные институты, я, конечно, имею в виду не только институты, действующие в самих США и ЕС. Речь идет также и о скопированных другими странами западных институтах. Это копирование длительное время служило успешной моделью догоняющего развития для второго и третьего мира.

Сегодня же страны догоняющего развития пребывают в недоумении, поскольку институты Запада явно пришли в тупик – и не ясно, надо ли это

копировать или уже нет. Тем более, что альтернативные варианты

модернизации вырабатываются самими развивающимися странами (прежде

всего, странами БРИКС) пока очень осторожно и точно.

Используя термин «институциональный кризис Запада», я далек от популярного в российском дискурсе перечисления бесконечных ошибок Запада, обличения загнивающего капитализма и предсказания мирового суперкризиса. Термин «институциональный кризис» используется в своем буквальном значении – кризис ключевых институтов, а не кризис Запада в целом. Помимо институтов, есть еще население, территория, экономика, технологии и накопленный капитал. США и ЕС остаются важнейшими центрами силы в мире, как в экономическом, так и в инновационном и человеческом аспектах.

Многие из обсуждаемых мной институциональных ловушек и эффектов уже назывались другими авторами, – и я ссылаюсь на этих авторов. Другие

описанные здесь институциональные ловушки и эффекты практически не встречаются в известных работах, хотя я не могу однозначно претендовать на их изобретение.

Авторским можно считать понятие интерналий, предложенное в четвертой части – негативных эффектов, порождаемых институтом и обращенных на сам институт. Эффект междисциплинарных и межинституциональных

экстерналий, институты-матрешки, институциональные ловушки бумеранга и

голового короля, ложные социальные нормы также не встречались мне ранее в

литературе. Авторской также является изложенная в конце книги концепция Инстомутантов и Метамутантов – устойчивых институциональных и

социальных форм, возникших как связка нескольких институциональных экстерналий и кризисных явлений.

В первой части книги приведен полный список функций институтов и показано, что эти функции вступают в противоречие между собой. Это обуславливает проблему рассогласований и кризисов как имманентную проблему институтов, а не только как результат ошибочных решений или плохого управления.

Почти не обсуждалась до сих пор роль институтов как метакогнитивных рамок сознания. Эта тема рассмотрена в первой части, и далее я возвращаюсь к ней постоянно в дальнейших главах. Метакогнитивный аспект я считаю одним из самых важных и недооцененных в области институциональных проблем и связанных с этим когнитивных и психологических последствий для общества.

БЛАГОДАРНОСТИ

Эта книга стала возможной, прежде всего, благодаря моей бабушке Александре Георгиевне – советскому учителю.

Я также выражаю благодарность моим родителям Виктору

Петровичу и Елене Юрьевне Кашкиным.

Я благодарен моему другу и учителю, создателю русско-немецкой школьной

программы доктору Петеру Гёбелю – настоящему человеку мира. Доктор

Гебель показывает нам всем, как быть человеком Возрождения в наше смутное время.

Я особенно благодарен моему научному руководителю Борису Абрамовичу Райзбергу, доктору экономических и технических наук. Он заботился о своих студентах и аспирантах и был человеком с большой буквы, невзирая на все кризисы и трудности, которые ему пришлось пережить.

Я благодарен Ольге Михайловне Дудиной, доценту кафедры социологии Финансового университета при Правительстве РФ и моему научному руководителю на старших курсах. Ольга Михайловна на всю жизнь привила мне любовь к социологии, а без этой составляющей невозможна целостная политическая экономия.

И наконец, я благодарен писателю Надиру Александровичу Сафиеву, редактору журнала «Вокруг Света», который первым признал и опубликовал мои статьи и рассказы.

ОБ АВТОРЕ

Дорогие читатели!

Позвольте рассказать пару слов о себе. Меня зовут Васи-

лий Кашкин, я преподаватель, исследователь и одновременно – практикующий специалист в области мировой экономики и финансов.

Я работаю в области международных исследований и практической экономики уже более 20 лет. Мои научные публикации вы можете найти в базах РИНЦ, Scopus и Google Scholar. С полными текстами моих научных публикаций за последние годы можно ознакомиться на портале Academia.edu

Я работал в качестве корпоративного руководителя, преподавателя в университетах и как бизнес-консультант, и в развитых, и в развивающихся странах.

В последние годы я занимаюсь консалтингом в области международного бизнеса – экономическими исследованиями, инвестиционными и маркетинговыми стратегиями, выходом компаний на зарубежные рынки. В рамках этого направления я специализируюсь в основном на Китае и Юго-Восточной Азии. Мой сайт www.kashkin.com.cn/ru/

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ

В последние годы науки об обществе и экономике столкнулись с настоящим бедствием – растущей специализацией авторов и научных школ.

Экономисты видят все строго с позиций экономики, социологи – с позиций социологии, политологи – с позиций политологии и так далее. Несмотря на регулярно провозглашаемую значимость междисциплинарных методов, на практике таких крупных исследований почти не видно.

Многие авторы слишком зажаты в своем национальном дискурсе. Американцы проецируют на весь мир американское представление о жизни, да и российские авторы грешат этим же, но с российской спецификой.

Многие проблемы современного научного понимания мира обусловлены этой утратой единства социальных наук. Экономисты искренне «не видят» экстерналий или убытков, если они описываются языком социологии или психологии, и не отражены буквально в отчете о прибылях и убытках. Психологи, в свою очередь, могут беспомощно искать источники проблем в межличностных отношениях, тогда как многие личные проблемы порождены объективными и обезличенными социальными закономерностями.

Выдающиеся труды экономистов прошлого, таких как Адам Смит, Давид

Рикардо, Карл Маркс, основаны на политэкономическом, целостном подходе к обществу, политике и экономике. По мере роста специализаций наук в 20-м веке, эта целостность была в значительной степени утрачена. И только в

последние десятилетия междисциплинарные исследования заново приобретают важную роль в социальной науке.

Углубление специализаций разных социальных наук в 20-м веке, с одной стороны, было совершенно закономерным и необходимым – оно отражало и

рост разнообразия экономики и общества, и рост возможностей самих наук.

Но одновременно возникли трудности синтеза социальных наук. Каждая социальная наука выработала свой язык и методологию.

Возникла проблема междисциплинарных экстерналий (этот феномен я обсуждаю подробнее дальше). Каждая дисциплина как бы сбрасывает на другие те негативные эффекты, которых не видно в рамках методов самой этой дисциплины. Такова, например, концепция рационального человека,

«хомо экономикус», принятая как удобная модель в экономической теории (см., например, Франк, учебник Микроэкономика⁴). Эта удобная и оправданная для экономического моделирования конструкция, между тем,

4 Frank, R. H., & Cartwright, E. (2010). *Microeconomics and behavior*. New York: McGraw-Hill.

грубо игнорирует представление о человеке, сформированное социологией, философией и психологией. И следовательно, будучи примененной на практике, порождает негативные экстерналии на уровне общественных

отношений и психологии личности.

В этом контексте возник даже термин «экономический империализм» -

обозначающий попытку экономистов объяснить все общественные сферы с

позиций предельной полезности, рационального экономического выбора, то есть языком своей науки. Впрочем, современный политический популизм – это тот же самый подход со стороны политологии – игнорирование экономики ради внедрения политических технологий, обоснованных с идеологической и политической точки зрения.

Не остаются в стороне и интернет-психологи, имеющие миллионы

подписчиков. Они не знакомы с экономикой или социологией, и объясняют

все в жизни через призму межличностных отношений.

Институциональный подход на сегодняшний день является фактически основным методом, который обеспечивает синтез социальных наук. И тем самым возрождает политэкономиию на новом уровне. Институциональный подход является признанным методом для большинства социальных наук: социологии, политологии, права, социальной философии и экономики.

Понятие социальных институтов появилось в 19-м веке (Огюст Конт,

Герберт Спенсер). Значение институтов затем осмыслили

крупнейшие

социальные ученые, такие как Карл Маркс, Эмиль Дюркгейм, Макс Вебер и Торстейн Веблен.

Во второй половине 20-го века сформировалась институциональная

экономика как самостоятельная дисциплина. На основе концепции

социальных институтов начала происходить интеграция экономики, социологии и политологии.

Знаковым в этом смысле можно считать вручение Нобелевских премий по экономике институционалисту Рональду Коузу в 1991 году, затем Дугласу Норту и Роберту Фогелю в 1993 году.

В 2009 году нобелевскую премию получили Элиноор Остром и Оливер Ульямсон за исследования коллективной организации и управления общественными благами. В 2024 году нобелевскую премию по экономике получили неoinституционалисты Д.Аджемоглу, С.Джонсон, Д.Робинсон за доказательства влияния институтов на благосостояние и экономическое развитие.

Надо отметить также особую роль работ Джеймса Бьюкенена, автора теории общественного выбора – нобелевского лауреата 1986 г., внесшего

значительный вклад в развитие междисциплинарных методов социальных наук. Работы другого нобелевского лауреата, Фридриха Хайека, также посвящены в значительной сте-

пени связи институтов, общества и экономики и фактически являются междисциплинарными.

Российские экономисты внесли значительный вклад в развитие институциональных методов. Прежде всего, это профессор Александр Александрович Аузан, автор ряда знаковых работ по институциональной экономике на русском языке. Тему институциональных ловушек рассмотрели в своих работах Владимир Александрович Мау и Виктор Меерович Полтерович.

Междисциплинарными, объединяющими разные дисциплины социальных наук можно считать и работы по поведенческой экономике. Это направление также получает все большее официальное признание. Нобелевские лауреаты в области поведенческой экономики это Герберт Саймон (процесс принятия решений, концепция ограниченной рациональности), 1978 г., Гэри Беккер (1992 г., концепция человеческого капитала), Дэниель Канеман и Вернон Смит (2002 г.) – психологические и когнитивные механизмы принятия экономических решений, Ричард Талер (2017 г., развитие теории ограниченной рациональности).

Нельзя не признать значение современной социологии, социальной философии, когнитивной науки, теории систем, менеджмента и других социальных наук. Но именно экономика является на сегодняшний день основным сводным способом описания деятельности общества. Поэтому централь-

ная роль институциональной экономики как новой целостной науки об обществе не случайна.

ИНСТИТУТЫ, ЭКСТЕРНАЛИИ И СОЦИАЛЬНАЯ ЭКОСИСТЕМА

Институты – это важнейший регулятор общества и экономики, в сущности, основа цивилизации. Но институты далеко не всегда являются инструментом, который можно произвольно создать и внедрить в целях управления. Институты – это гораздо более сложное явление. Они несут в себе и коллективный исторический опыт, и формируют метакогнитивные рамки сознания, и рационализируют нерациональные человеческие мотивации. Институты могут быть спроектированными, но могут быть и стихийными; они могут трансформироваться совсем не так, как виделось проектировщикам.

Институты одновременно представляют собой и инструменты управления (дисциплинарное общество), и социальную норму, и общественный договор, и историческое знание, и метакогнитивные рамки сознания. У институтов нет одного источника. Пришли ли они из истории (естественные институты, по Дугласу Норту), или созданы недавно и целенаправленно просвещенной властью (например, законы), они проходят сложный процесс вживления в реальное общество, в реальные практики управления, адаптации к актуаль-

ным вызовам. И поэтому всегда становятся не тем, чем были в истории раньше и не тем, чем они виделись проектировщикам.

Институты поддерживаются человеческой энергией, волей, и в этом смысле они являются живыми социальными организмами. Институты конкурируют друг с другом, развиваются, адаптируются ко времени, порождают экстерналии и саморазрушительные эффекты.

За последнее столетие на Западе создано больше институциональных форм, чем за всю предыдущую историю. В основном они создавались по необходимости, в уверенности, что институты – это удобные инструменты модернизации, управления, решения конкретных задач. Сложная социальная природа институтов игнорировалась, поскольку они помогали решать конкретные задачи здесь и сейчас.

В итоге, в 21-м веке мы оказались в ловушке слишком бурного институционального творчества 20-го века. Институты порождают ловушки,

экстерналии, многие из которых не могут исправиться сами собой. Тем более, что институциональные эксперименты продолжаются. Современную

ситуацию можно фактически охарактеризовать как проблему социальной экологии. Под лозунгами коммунизма или либерализма с одинаковым рвением борющиеся стороны достаточно небрежно относились к социальной экосистеме, легко жертвуя ей во имя своих высоких целей.

Эти проблемы описаны в ряде знаковых книг: в «Одномерном человеке» Маркузе⁵, «Глобальном человеке» Александра Зиновьева⁶, «Текущей современности» Зигмунта Баумана⁷.

В результате разрушения социальной экосистемы общество становится похожим на пустыню после экологической катастрофы. Это атомизированное общество, без полноценных смыслов и ориентиров. Происходит утрата человеческой идентичности, управление и элиты дезориентированы. Все это результаты, на мой взгляд, длительного игнорирования негативных экстерналий институциональных реформ и экспериментов.

В литературной и кинофантастике популярен жанр антиутопического киберпанка. Это сюжеты жизни общества после ядерной войны, на обломках более развитой технологической цивилизации. Обычно в этих произведениях подчеркивается несоответствие между высокими технологиями и примитивными формами социальной организации. Российские писатели фантасты Аркадий и Борис Стругацкие написали

выдающийся философский роман о киберпанке – «Пикник на обочине» (1972 год⁸). В этой книге они рассказывают о жизни общества в условиях

радиоактивных загрязнений, рядом с загадочной «Зоной». Общество обустроивается на этой радиоактивной по-

мойке, находит вторичные выгоды, стратегии выживания и даже успеха. И при этом непрерывно сталкивается с ужасающими феноменами, которые не может объяснить на своем уровне знаний. Объяснение дают авторы: пришельцы из более развитой цивилизации остановились на Земле и устроили «пикник на обочине», оставив за собой радиоактивный мусор.

Стругацкие (будучи тогда еще коммунистами) прозрачно указывали на негативные экстерналии, которые сбрасывают на общество капиталистические элиты. Это классическая критика капитализма, которая ведет начало от Маркса.

Однако критики социализма, например, Карл Поппер и Фридрих Хайек, справедливо указали на то, что и социализм, плановая монополистическая экономика, порождают свои негативные экстерналии.

И поэтому экстерналии следует считать свойством институтов модернизации

вообще, а не чертой именно капиталистических или социалистических институтов. Джеймс Скотт в книге «Благими намерениями государства»⁹

5 Marcuse, H. (2013). *One-dimensional man: Studies in the ideology of advanced industrial society*. Routledge.

6 Zinoviev, A. (2006). *Global human anthill*. Eksmo.

7 Bauman, Z. (2013). *Liquid modernity*. John Wiley & Sons.

8 Strugatsky, A., Strugatsky, B. (1972). *Roadside Picnic*.

Aurora.

9 Scott, James C. (1998). *Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. Yale University Press.

привел ряд убедительных примеров о том, как вмешательство государства порождает негативные экстерналии для общества или экологии. Пафос этой книги состоит в том, что как будто бы именно государство, как слон в посудной лавке, порождает негативные экстерналии своим регулированием. На мой взгляд, более корректно будет сказать, что любые институты модернизации порождают такие экстерналии.

Более того, описанные Дугласом Нортом «естественные» институты также порождают мрачные побочные эффекты. Например, погромы «неверных» любыми религиозными фанатиками или расовая ненависть – это часто стихийная, низовая самоорганизация масс, а не модернистские усилия государства.

В последнее время мы имеем феномен быстрого формирования новых естественных, стихийных институтов – и эти новые институты вселяют еще меньше оптимизма, чем раскритикованные Дж. Скоттом усилия государства. Об этом мы подробнее поговорим в книге далее.

Однако, книга Джеймса Скотта безусловно важна в плане перенесения

внимания на ценность экосистемы, и в частности, соци-

альной экосистемы.

Эта книга показывает, как опасны модернистские вмешательства в социальную систему, – поскольку модернизаторы не осознают всей

сложности естественной системы и преувеличивают могущество своих рациональных знаний.

В 21-м веке западное общество в значительной степени оказалось в ситуации

«Пикника на обочине» Стругацких. То есть на свалке негативных экстерналий самонадеянных идеологий 20-го века, оголтелых реформ,

управленческих решений, требовавших результата в кратчайшие сроки и любой ценой.

Экстерналии захлестнули и элиты, и механизмы управления: сам характер социальных экстерналий не позволяет от них отгородиться. Так же от радиации нельзя отгородиться стеной и спрятаться в индивидуальном прекрасном саду. Как писал Ленин, «жить в обществе и быть свободным от общества нельзя»¹⁰.

Экстерналии, в свою очередь, порождают свои следствия, свою странную социальную реальность, специфические человеческие проблемы и индивидуальные стратегии в этой реальности. Мир современного человека

– это в большой степени стратегия выживания в Зоне Стругацких, среди экстерналий, иногда опасных, иногда благоприятных, и чаще всего не объяснимых в старой рациио-

нальной системе координат.

Большая часть современных экстерналий и институциональных эффектов является незапланированной. Как раз наоборот, они становятся результатом того, что люди все меньше управляют институтами, а институты все больше развиваются стихийно.

10 Lenin, V.I. (1967) Complete set of Works. 5th edition. Moscow, Political Literature Publishing House.

В совокупности эти не осознанные институциональные эффекты привели в наше время к кризису ряда ключевых институтов и некоторых областей общественной и экономической жизни в развитых странах. До сих пор причины этих кризисных явлений ищут в борьбе идеологий или концепций организации экономики. Я же предлагаю интерпретировать большинство современных кризисных явлений как кризис институтов, происходящий в силу свойств самих институтов, вне зависимости от традиционных идеологических споров (между правыми и левыми, либерализмом и консерватизмом, госпланом и рынком).

Реакцией на это разрушение социальной экосистемы становится протест против модерна вообще – выраженный в идеологиях современного ультра-консерватизма, контр-модерна. Очевидно, что консерватизм как попытка «все вернуть назад», не работает, потому что научно-технический

прогресс

продолжает стремительно развиваться, и все новые миллионы людей во всем мире ежегодно вовлекаются в современный городской образ жизни.

Необходимо критическое осмысление институтов и реформ, с позиций обеспечения баланса между необходимой модернизацией и сохранением экологии и целостности социальных систем.

Я не берусь выявлять универсальные законы истории на основе институциональных представлений. На мой взгляд, нации или корпорации преуспевают тогда, когда осуществляют эффективный менеджмент. А успешный менеджмент в разных исторических обстоятельствах может включать в себя самые разные решения, не имеющие общего правила. Люди рефлексиируют и свой опыт, и опыт конкурентов. Создание закрытых институтов может быть игровым ответом на создание открытых институтов у конкурентов. Перебор попыток закрытых и открытых институтов может отражать неудачный опыт воплощения тех или других.

Про недостатки авторитарных, закрытых и экстрактивных институтов сказано более чем достаточно. Открытые, инклюзивные институты, несомненно,

обладают огромными преимуществами – и для развития, и с точки зрения гуманизма. Однако, их превознесение в таком смысле, что они отвечают на все вопросы и даже ведут к концу истории, оказалось сугубо ошибочным.

Открытые институты оказались не способны к саморегуляции и самообновлению в эпоху новых вызовов и стремительных перемен.

Оказалось, что они производят массу экстерналий и незапланированных эффектов, которые, накапливаясь, могут вести к их гибели.

На Западе уже много сделано для борьбы за биосферу земли и экологию. ООН провозглашает своей целью устойчивое развитие. Однако представление об устойчивых социальных системах, социальной экологии находится пока в самой ранней фазе своего формирования.

Часть 1

ФУНКЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ

Я посвятил первую часть книги определению и функциям институтов не только по причине академического занудства. В этой области кроется, на самом деле, интересный и нераскрытый потенциал.

Большинство авторов бегло перечисляют несколько основных функций институтов или вообще ограничиваются кратким определением, – например,

институты, как набор норм и правил. В действительности же, институты исполняют не менее десяти ключевых функций, причем большинство из них самостоятельные, не являющиеся производными или продолжением других функций

институтов. Нельзя сказать, что все функции это продолжение

одной-двух, самых главных. Как вы увидите далее, каждая функция оправдана и имеет свой смысл.

Совмещаемые институтами функции – совершенно разные и зачастую входят в противоречие между собой. Само совмещение столь разных функций в одном институте обусловлено естественным монополизмом многих институтов.

Это множество функций уже порождает целый ряд противоречий, заложенных в природе институтов – а наблюдателям часто кажется, что это

частные недостатки управления и управляющих в конкретных вопросах. Я

привожу примеры таких противоречий в конце первой части.

Ряд функций институтов постоянно недооценивается современными авторами. Это можно сказать про такие функции институтов, как

метакогнитивные рамки сознания, роль научения и социальной нормы, модернизации. Эти темы интересны даже с позиций индивидуальной

психологии, поскольку в современном психологическом дискурсе системно недооценивается роль метакогнитивных рамок, социального научения и социальных норм.

Эта книга написана и для специалистов, уже продвинутых

в области политэкономии, и для широкого круга читателей, и для студентов, которые только изучают социальные науки. Поэтому более подготовленных специалистов я прошу отнестись с пониманием – некоторые пояснения в первой части рассчитаны на читателей, еще мало знакомых с институциональной теорией.

Следующие части книги, после первой, написаны в более прикладном и публицистическом стиле.

1.1 ОПРЕДЕЛЕНИЕ И ЗНАЧЕНИЕ ИНСТИТУТОВ

Определение институтов несколько отличается в старой, классической институциональной теории и в неоинституционализме.

Основоположники классического институционализма – это Торстейн Веблен, Джон Коммонс, Уэсли Митчелл. Приведем определения институтов, принадлежащие классикам:

«Институты – это привычный образ мысли, руководствуясь которым живут люди». «Институты – это результаты процессов,

происходивших в прошлом, они приспособлены к обстоятельствам прошлого и, следовательно, не находятся в полном согласии с требованиями настоящего времени» (Т. Веблен)

«Институты – это коллективное действие по управлению,

либерализации и расширению поля индивидуальных действий» (Дж. Коммонс);

Неоинституционалисты предлагают следующие определения институтов:

«Институты – это «правила игры», в обществе, или, выражаясь более

формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые

организуют взаимоотношения между людьми» (Д. Норт);

Институты – это организационные структуры в обществе, например, финансовые институты – страховые компании, банки, пенсионные

фонды, кредитные учреждения, инвестиционные фонды (Авторы книги «Институциональная экономика» Малкина, Логинова и Лядов¹¹);

«Институт – это социальная организация, которая через традицию, обычай или законодательное ограничение ведет к созданию долгосрочных и устойчивых образцов поведения» (Дж. Ходжсон);

«Институты – это не правила игры, а скорее альтернативные нормы поведения, или условности, сформировавшиеся вокруг некой игры с определенными правилами. Другими словами, для нас институты – это свойства равновесного состояния игры, а не свойства самой игры». (Д. Норт).

11 Malkina, M., Loginova, T., Lyadova, E. (2015).

Наибольшее распространение получило определение, данное Дугласом Нортом:

Институты – это «устанавливаемые людьми ограничения, которые структурируют политическое, экономическое и социальное взаимодействие. Они включают в себя как неформальные (запреты, табу, обычаи, традиции, кодексы чести и т.д.), так и формальные правила (конституции, законы, права собственности и т.д.), а также систему санкций за их несоблюдение». Другими словами, институты определяют «правила игры» в обществе, обуславливают правила и нормы социального взаимодействия людей в процессе их деятельности».

Отличия между трактовкой старых и новых институционалистов мы еще обсудим далее. Эти отличия отражают тот факт, что функции и свойства институтов не сводятся к единственному правилу или принципу. Разные функции имеют место, зачастую одновременно, и могут породить противоречия.

Заканчивая определения институтов, обозначим также, что институтом может быть и вертикальная, иерархическая, и горизонтальная (сетевая) структура правил и регулирований.

Основные вертикальные или иерархические институты это:

Государство и его структуры управления;

Корпорации и виды бизнеса, несущие отраслевой опыт, инновации, уникальные профессиональные компетенции;

Общественные объединения с вертикальной структурой: религиозные, профсоюзы и т.д.

Горизонтальные, сетевые институты это:

1. Законы и правоприменительная практика
2. Обычаи, ценности и традиции. Семья, религия, ценности
3. Социальный капитал: доверие, дружба, солидарность
4. Правила дорожного движения
5. Язык
6. Деньги, финансовая система
7. Культура
8. Образование, доступ к знаниям и информации
9. Фундаментальные представления и парадигмы.

Например, представление о личности и индивиде; представление об экономических измерителях, таких как прибыль; представления о законах физики и т.д.

Разделение между горизонтальными и вертикальными

институтами довольно условно. За каждым сетевым институтом обычно стоит какая-то корпорация

(научная, образовательная, культурная) – однако влияние сетевого института намного шире, чем рамки самой корпорации. Для дальнейшего обсуждения

будет полезно ввести термин институт-корпорация – для институтов,

влияние которых в основном ограничено своей же иерархической

организацией. Это большинство государственных структур: армия, полиция, министерства. Это также суперкорпорации или монополии, которые тождественны важному институту – например, Google, Microsoft или Российские железные дороги.

И отдельно следует обозначить институты как нормы, то есть сетевые институты – чье сетевое влияние намного шире масштабов той организации, которая стоит за институтом.

Не буду подробно останавливаться на доказательствах значения институтов для экономики и общества, поскольку этому посвящены книги, уже ставшие классическими – например, «Институты, институциональные изменения и

функционирование экономики» Дугласа Норта¹² и «Почему одни страны богатые, а другие бедные» Дарона Аджемоглу и Джеймса Робинсона¹³.

Приведу только несколько примеров – их нетрудно найти и во множестве исторических ситуаций, и в современной

жизни. Падение Римской империи привело к резкому падению уровня жизни в течение столетий, хотя в первое время сохранялись все те же люди, компетенции, технологии и факторы производства. Разрушение СССР привело к резкому падению уровня жизни в

1990-е, даже если и считать этот период переходным. Важно подчеркнуть

сохранение тех же людей, физических активов предприятий и

инфраструктуры – перестали работать только институты.

На примере транснациональных корпораций мы можем в режиме реального времени наблюдать, как в рамках одной корпорации фабрика производит продукцию, например, в США, и во Вьетнаме. Продукция производится по одинаковым стандартам, на одинаковом оборудовании, под тем же брендом, одинаково образованными специалистами и рабочими. Но цена продажи конечной продукции в США и Вьетнаме может отличаться в пять раз – как и зарплата сотрудников одной компании в этих двух странах. Вся разница не в микроуровне этих предприятий, а в макроуровне институциональной среды, в которой действуют два подразделения.

Производство в Китае давно перестало быть дешевым, цена труда равна уровню Восточной Европы. Однако производство не бежит в Африку или

economic performance. Cambridge University Press.

13 Acemoglu, D., Robinson, J. A. (2012). Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty. New York: Crown Business.

Индонезию – Китай остается крупнейшим мировым экспортером промышленной продукции. Все дело в институтах. В Китае созданы отраслевые кластеры, инфраструктура, налоговые стимулы для производства, комплексная государственная поддержка промышленности, массовая подготовка образованных инженеров и квалифицированных рабочих, отраслевая наука и стимулирование инноваций. Именно с этой институциональной базой трудно конкурировать другим странам, даже если труд в них стоит на порядок дешевле.

Современные институты являются таковой же неотъемлемой частью модернизации, как и научно-технический прогресс. Опоздание с модернизацией, по сравнению с Западом, обусловило столетия колониальной зависимости стран Азии, Африки и Латинской Америки.

Современные институты права, образования, государственной власти, профессиональных и отраслевых стандартов обеспечивают интеграцию между научно-техническим прогрессом и об-

ществом. Поэтому эффективные

институты – ничуть не менее важная часть прогресса и модернизации, чем инновации и человеческий капитал. История демонстрирует примеры, когда

развитый человеческий капитал и развитый научно-технический уровень

может быть соединен вредоносными институтами – это пример германского

фашизма.

Я не верю в теории о «пассионарности», циклах роста и угасания народной энергии. Мотивации народов во все времена примерно одинаковы – они сводятся к базовой структуре человеческой мотивации, подробно изученной в рамках психологии мотивации и психометрических тестов. Весь вопрос состоит в том, умеют ли институты превратить эту мотивацию в коллективное действие, ответить на актуальные вызовы, согласовать с модернизацией, избежать разрушительных конфликтов интересов.

Я полагаю, что расцветы и закаты цивилизаций, прежде всего, связаны с удачным наличием базовых факторов производства и вместе с тем – умением

общества создать адекватные институты.

Все великие цивилизации создали сначала сильные институты коллективного действия и долгосрочного планирования. Будь это строительство пирамид в Египте, дамб в древнем Китае, необходимость пережить зиму в Европе и

России или выжить на новых землях Северной Америки и Австралии.

Кризис цивилизационных проектов начинается не в силу «выгорания» народов или других мистических причин, а в силу потери базовых производственных или институциональных факторов успеха.

Такая потеря может происходить и по естественным причинам (исчерпание ресурсов), и в силу плохого управления, и по причине накопления институциональных ошибок и ловушек.

Темы факторов производства, моделей роста, уже хорошо изучены. Тема управления тоже подробно обсуждается в рамках наук о менеджменте и политологии. Мало осознаны до сих пор институциональные закономерности, в результате которых правильные, прогрессивные институты порождают одновременно негативные экстерналии, ловушки и ошибки. Причем до такой степени, что постепенно совокупность этих ошибок может привести к разрушению самих институтов – а с ними и конкретных цивилизационных проектов.

1.2 ИНСТИТУТЫ КАК ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДОГОВОР

Институционалисты справедливо делают акцент на ключевой роли институтов: организации общественного взаимодействия, повышении доверия, снижении трансакционных

издержек.

Дуглас Норт пишет¹⁴: «Институты уменьшают неопределенность,

структурируя повседневную жизнь. Они организуют взаимоотношения между людьми, так что, когда мы хотим поздороваться с друзьями на улице,

поехать на автомобиле, купить апельсины, занять деньги, организовать свой бизнес и совершить любые другие действия, с которыми сталкиваемся в обычной жизни, мы знаем (или можем легко научиться), как это сделать. ... Институты определяют и ограничивают набор альтернатив, которые имеются у каждого человека».

Проблеме снижения трансакционных издержек в экономике, информационной асимметрии посвящены важнейшие исследования (Джозеф Стиглиц, Джордж Акерлов, Рональд Коуз, Джеймс Миррлис и другие). Взаимное недоверие, отсутствие четких правил резко повышают издержки на совершение каждой сделки. Эти ситуации подробно рассмотрены в теории игр.

При довольно невысоком уровне прибыли корпораций в крупных странах (около 5% от выручки), дополнительные издержки на каждую трансакцию в размере, например, 6% делают весь бизнес убыточным и бессмысленным. Между тем, реальные трансакционные издержки в развивающихся странах, включая коррупционный «налог», неэффективность бюрократии и институтов, отсутствие информацион-

ной прозрачности и т.д. – могут повышать стоимость сделки в разы. Слабая защита прав собственности побуждает собственников выводить капитал в более надежные юрисдикции, а не инвестировать в своей стране.

Как только развивающиеся страны создают условия для удержания капитала внутри страны, обеспечивают достаточную прибыль и гарантии прав собственности – эти страны демонстрируют экономический рост. Это можно сказать про современный Китай, Индию и большинство стран Юго-Восточной Азии.

14 North, D. C. (1990). *Institutions, institutional change and economic performance*. Cambridge University Press.

Посмотрим на эту роль институтов с позиций политической философии, а именно, концепции общественного договора. Появление концепции общественного договора во второй половине 17-го века связывают с именами английских философов Томаса Гоббса и затем Джона Локка.

Общественный договор – это добровольное принятие обществом дисциплинарных рамок, подчинение правилам взаимодействия, с целью остановить войну всех против всех – *Bellum omnium*

contra omnes.

Государство выступает, так сказать, оператором общественного договора. Однако, источником договора является коллективный запрос общества, а не

насаждение со стороны верховной власти. В дальнейшей политической философии (в частности, Жан Жак Руссо) понятие общественного договора становится ключевым для обоснования гражданского общества, конституционных норм демократии и республиканизма.

«Войну всех против всех» можно понимать буквально – как значительное повседневное присутствие насилия, вооруженных банд, которые всегда появляются при ослаблении или исчезновении государства. Но также можно понимать и в переносном, более современном смысле – как крайний эгоизм, недальновидность, недоговороспособность субъектов. Это мы и наблюдаем, особенно в слабо развитых странах, в виде колоссальной коррупции, рейдерских захватов собственности, неспособности решать инфраструктурные и долгосрочные задачи развития.

Институты оформляют общественный договор в деталях, в конкретных областях. Институты собственности – это общественный договор по поводу прав собственности. Правила дорожного движения – это общественный договор по оптимизации взаимодействия водителей и пешеходов на дорогах. Институт семьи – это общественный договор о формате семьи и отношений между мужчинами, женщинами и

детьми.

Теория общественного договора, по своей логике и сути очень похожа на объяснение институционалистами роли институтов, как механизма повышения эффективности взаимодействия за счет снижения издержек и повышения доверия. Однако, современные институционалисты

воспринимают общественный договор, в общем-то, как данность. Он

существует уже столько веков, что сейчас внимание сосредоточено в

основном на снижении отдельных транзакционных издержек и повышение прозрачности информации. Это типичное когнитивное искажение нашего времени – мы воспринимаем базовые институты цивилизации как данность, поскольку мы родились уже при них, и знаем из истории, что эти институты и до нас существовали уже столетия.

Как любой институт, старый общественный договор не всегда легко и автоматически адаптируется к переменам. А когда не происходит перезаключения общественного договора, или он неадекватен времени, тогда и другие институты, построенные уже над базовым общественным договором, начинают давать необъяснимые (в рамках самих этих институтов) сбои.

Дальше в этой книге я более подробно рассматриваю некоторые социальные и экономические перемены, пробле-

матизирующие старый общественный договор на Западе.

Развитые институты демократии и представительства, безусловно, способствуют мирному перезаключению общественного договора. Но это совершенно не означает, что такое перезаключение произойдет безболезненно – и что оно вообще произойдет. Сама система представительства и демократии является надстройкой над однажды заключенным общественным договором. Вера в сакральную силу демократии – это то же самое когнитивное искажение, упомянутое выше – недооценка институциональных основ, созданных до нас.

Демократия – это, так сказать, электронная панель управления над сложным механизмом, а не сам механизм.

Современные изменения, требующие перезаключения общественного договора, касаются экономического уклада, роли и места целых социальных страт, пересмотра методов управления и ролей разных частей элит. Это по существу «революционная ситуация», как говорил Ленин. Для институционализации нового уклада недостаточно волеизъявления народа и народных представителей. Поскольку народ и его представители мыслят в рамках старых парадигм, а они не плодотворны для перезаключения общественного договора.

Помимо волеизъявлений, нужен также пересмотр управленческих и политических парадигм, а также и обеспечивающих их парадигм социально-

экономических наук.

1.3 ИНСТИТУТЫ КАК КОЛЛЕКТИВНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

В новых институциональных исследованиях, в первую очередь, акцентируется роль институтов как норм и правил и меньше уделяется внимание тому, что институты являются также носителями коллективного интеллекта и опыта.

Взаимодействие между миллионами людей не может быть организовано как сумма миллионов контрактов. Тем более, что речь идет не только о

взаимодействии, а о коллективном воплощении в жизнь принципов прогресса, науки, инноваций, которые из-за объемов этих знаний целиком не

могут быть известны никому в отдельности.

Институты сами превращаются в чрезвычайно сложный механизм

коллективного интеллекта и коллективного действия. Фактически, этот механизм подчиняется логике социально-экономического и технического

прогресса, а не только общественному договору в духе «ты не обманываешь меня, а я не обманываю тебя». Современные институты максимизируют пользу для общества от внедрения инноваций, технологий и сопутствующего распределения специализаций, денежных потоков и власти.

Они, собственно, выступают организующей структурой, которая делает технические и научные достижения пригодными и полезными для экономики и общества.

Разберемся подробнее, как действует институт или, в частности, институт-

корпорация как субъект, наделенный коллективным интеллектом.

Научная концепция коллективного интеллекта появилась в конце 19-го -

начале 20-го века. В начале 20-го века Владимир Вернадский, Никола Тесла,

Герберт Уэлс высказывают идеи о едином человеческом сознании, едином

информационном поле и «супермозге». Эти идеи прозорливы для своего времени, они предсказывают появление в будущем интернета и искусственного интеллекта.

В наше время исследования коллективного интеллекта уходят в основном в специализацию, излишнюю конкретизацию. Под коллективным интеллектом исследователи сейчас подразумевают чаще всего буквально

интеллект коллектива (см. например, Дуглас Энгельбарт, «Коллективный

IQ»¹⁵, «Collaborative intelligence» Dawna Markova и Angie McArthur¹⁶, Woolley

¹⁵ Engelbart, D. C. (1995). Toward augmenting the human

intellect and boosting our collective IQ. Communications of the ACM, 38(8), 30-32.

Evidence for a collective intelligence factor in the performance of human groups¹⁷). Современные исследования коллективного интеллекта часто несут в себе некоторые проблемы определений.

Во-первых, они представляют коллективный интеллект как некий отдельный, самостоятельный феномен, принадлежащий исследуемому коллективу.

Интеллект по своей природе является общественным, а не принадлежащим отдельной группе людей. Все наше знание и умение мыслить получено из общества и из источников, разработанных другими людьми. Оно

неотделимо от связи с этими источниками и с обществом. Эмиль Дюркгейм уже в начале 20-го века определял общество, как источник логического мышления человека ("Элементарные формы религиозной жизни"¹⁸).

Дюркгейм считал общество сверхразумом, поскольку оно превосходит каждого отдельного индивида.

Во-вторых, в современных исследованиях часто не обозначают разницы

между коллективным интеллектом и коллективным знанием. Интеллект

включает и знания, и умение ими оперировать; однако, это умение – тоже сумма знаний. В школе нас учат и знаниям

как информации, и умению мыслить: читать, решать задачи, то есть оперировать этой информацией.

Нейросети обращаются к источникам данных, таким как Википедия, но также они умеют обрабатывать данные. Это умение, сама нейросеть, -

совокупность математических знаний и алгоритмов. В этом смысле нет фундаментальной разницы между знанием как информационной базой и умением мыслить – оно тоже основано на накопленных об этом знаниях.

В-третьих, надо иметь ввиду еще один ключевой компонент интеллекта –

мыслительное усилие. Чтобы нейросеть начала работать, компьютер надо

подключить к электросети.

Мыслительное усилие относится уже к человеческой дееспособности, воле. Эта неотъемлемая часть воли, действия в составе интеллекта исследуется когнитивной психологией. Школа методологии, основанная Георгием Щедровицким, особенно акцентирует внимание на то, что мышление неотделимо от действия.

В современных исследованиях коллективного интеллекта преимущественно игнорируется эта ключевая составляющая – воля, усилие, а также вектор направления усилия, который задается ценностями и культурой.

Этот упрощенный подход игнорирует достижения смежных дисциплин: когнитивной науки и философии сознания.

Коллективный интеллект нельзя

понимать, как интеллект суммы индивидов в коллективе.

Поскольку сам

16 Markova, D., & McArthur, A. (2015). Collaborative intelligence: Thinking with people who think differently. Random House.

17 Woolley, A. W., Chabris, C. F., Pentland, A., Hashmi, N., & Malone, T. W. (2010). Evidence for a collective intelligence factor in the performance of human groups. *Science*, 330(6004), 686-688.

18 Durkheim, E. (1912). *The Elementary Forms of the Religious Life*. Paris, F. Alcan.

индивидуальный интеллект, по своей природе, является частью коллективного. Чтобы приобрести интеллектуальные способности и знания, мы обучаемся в школе, читаем книги, учимся в университете – и все это записанные и переданные нам знания других людей.

Антропологами исследованы истории реальных детей-маугли, прошедших

ранние годы без человеческого воспитания. Такой ребенок не владеет речью,

и не только не смог бы пройти тест IQ, но даже не понял бы, чего от него хотят. То есть нет автономного интеллекта без присоединения к

накопленным обществом знаниям; разве что какие-то формы

эмоционального интеллекта, позволяющие выживать.

Умение мыслить, по существу, трудно отделить от информационной базы знаний. Умение решать задачи или умение читать – это изучаемые нами в школе алгоритмические методики, подготовленные в рамках педагогической науки. В этом смысле и знание является информацией, и умение оперировать

знанием тоже является информацией, алгоритмом.

Иллюстрацией этого служит и организация языковых моделей искусственного интеллекта, таких как ChatGPT или Gemini. Эти языковые

модели используют интернет-базу знаний, но само их «мышление», то есть

сама нейросеть, это алгоритмы, то есть тоже записанная информация.

Модели искусственного интеллекта и представляют сейчас слепок коллективного сознания и, отчасти, бессознательного.

Таким образом, интеллект индивида нельзя отделить от того доступа, который этот индивид имеет к базам знаний – всеобщему коллективному интеллекту. Поэтому выделять группу из 10 человек и называть ее интеллект коллективным – довольно странно. Когда я пишу эту книгу, я «общаюсь» с сотнями авторов, от Платона до Ницше, сверяю свои мысли

со множеством современных институционалистов, социологов, экономистов и когнитивистов. Можно ли назвать мою умственную деятельность сугубо индивидуальной? – Хотя я пишу этот текст, строго говоря, один.

Группа из десяти или тысячи человек имеет более высокий или низкий интеллект не только в меру того, как они сотрудничают друг с другом, а в меру того, в первую очередь, как они сотрудничают с общечеловеческой базой коллективного интеллекта.

Для мысленного эксперимента представим, что исследуемые 10 человек должны сдать экзамены средней школы по всем предметам. В первом случае они могут совещаться (узкое понимание коллективного интеллекта), но не имеют доступа в интернет (доступа к коллективному знанию человечества). Во втором случае, они не могут совещаться друг с другом, но имеют доступ в интернет – то есть каждый может посоветоваться с умнейшими людьми нашего и прежних времен, чьи знания вкратце представлены в Википедии и других источниках. Как вы думаете, в каком случае средние оценки группы будут выше?

Безусловно, коллективный интеллект, как интеллект конкретной группы, тоже имеет место. В частности, важно иметь ввиду разницу когнитивных стилей, типов мышления. Дополняя друг друга, они действительно могут создать эффект более разностороннего коллективного мозга, чем мыш-

ление каждого члена группы по отдельности. Разным является и опыт работы с источниками знаний членов группы. Подробнее о коллективном интеллекте, на примере совета директоров, можно почитать в моих эмпирических исследованиях, проведенных с помощью автоматизированного анализа текста.

Роль совместного мышления правильно организованной группы нельзя отрицать. Современные исследования коллективного интеллекта показывают, что коллективный интеллект приносит пользу, если взаимодействие членов организовано и структурировано надлежащим

образом (см., например, книгу James Surowiecki *The Wisdom of Crowds*¹⁹).

Если такого структурирования нет, возникает, наоборот, коллективное

«оглупление», эффект толпы. Эта тема исследована классическими авторами

– Габриелем Тардом²⁰ и Гюставом Лебоном²¹. Толпа действует более

импульсивно и примитивно, чем стали бы действовать большинство ее

членов по отдельности.

Если толпа перенесена в онлайн пространство, то не меняется сам эффект толпы, неструктурированного мышления и поведения. Толпа в онлайн пространстве занимается поклонением своим «идолам», раскруткой хайпов, коллектив-

ной травлей («отменой») неугодных и тому подобное.

Современные исследователи коллективного интеллекта, по умолчанию, пытаются представить коллективный интеллект как сетевой феномен, не нуждающийся в иерархии. Это скорее дань неолиберальной моде. Как мы видим на практике, реально работающие модели коллективного интеллекта – это модели ИИ, а не сумма мнений толпы. Модели ИИ умеют определять релевантные и достоверные (насколько вообще возможно) источники данных. Они представляют экспертный ответ, а не среднее из миллиона мнений в интернете.

В области знаний в действительности эффективны только иерархии компетенций, экспертных систем и процедур. Максимальная эффективность коллективного интеллекта достигается именно за счет

- а) выстроенной иерархии человеческого экспертного знания, специализаций экспертов;
- б) за счет накопления уникальных инноваций, ноу-хау,

19 Surowiecki, J. (2004). *The Wisdom of Crowds: Why the Many Are Smarter Than the Few and How Collective Wisdom Shapes Business, Economies, Societies and Nations*. New York: Doubleday.

20 Tarde, G. (1892). 'Opinions and Masses'. in: Gabriel Tarde *On Communication and Social Influence: Selected Papers* (Heritage of Sociology Series). Chicago: University of Chicago Press, 1969/2010.

21 Le Bon, G. (1960). The crowd: A study of the popular mind. 1895. New York: Viking.

в) и за счет правильно организованного доступа к релевантным базам знаний, экспертным системам.

Эти процедуры работы со знаниями, выработки экспертных решений, должны быть записаны в виде четких процедур, бизнес-процессов,

обязательных к исполнению.

Именно это и обеспечивают корпорации и институты-корпорации лучше, чем кто-либо другой. И именно по этой причине корпорации и институты

являются главным носителем коллективного интеллекта. Безусловно, больше всего знаний находится в интернете. Однако корпорации не только имеют знания, они еще и «умеют думать», пользуясь человеческими мозгами и искусственным интеллектом. Они умеют думать и на уровне экспертных систем, которые помогают отделять главное от второстепенного, тогда как обычный доступ в интернет этого не дает.

Институты и корпорации умеют создавать уникальное, эксклюзивное знание (ноу-хау), которое не доступно в открытых источниках. Институты и корпорации также интегрируют и рефлексиируют свой исторический опыт. Институт может помнить о своих ошибках, совершенных 300 лет назад, и передавать это, как знание, через поколе-

ния. Именно это позволяет, например, науке двигаться дальше с каждым поколением людей, а не изобретать колесо каждый раз заново.

Роль коллективного интеллекта выполняют не только институты-корпорации (например, академия, министерства, крупные бизнес-

корпорации), но и сетевые институты, такие как семья, церковь или законы. Законы несут в себе мудрость поколений, опыт предыдущего правоприменения. Как говорят в армии, «уставы написаны кровью». Даже

неформальные институты, например, такие как семейные отношения, несут в

себе коллективный опыт. Любовные, семейные отношения, воспитание

детей – это длительный проект, динамика и будущее которого не может быть известна человеку из личного опыта. Об этих сценариях в целом ему рассказывает великая литература, психология, а также неформальные традиции семьи и воспитания детей.

В условиях современного «восстания масс», всемирного выхода людей из бедности, а также на фоне модной на Западе неолиберальной идеологии стало популярно отменять традиционные институты. Будь это семья, церковь или прежние представления о дисциплине, морали и солидарности. Это заменяется индивидуализмом, индивидуальным рациональ-

ным выбором.

Старые институты считаются неэффективными, угнетающими – и в этом есть немалая доля правды. Но отказываясь от них, люди отказываются и от канала связи с коллективным интеллектом, историческим знанием и опытом институтов. Можно только приветствовать создание в этих целях новых институтов – но их почти нет. Сами базы знаний, такие как интернет и искусственный интеллект, не институционализируют участие масс в коллективном интеллекте. Говоря проще, большинство современных людей

используют интернет для извлечения знаний, только если это требуется по работе, а добровольно используют интернет для развлечения, а не для знаний.

Сегодня оглушение среднего западного человека следует измерять не столько падением уровня индивидуального IQ, сколько падением уровня связи индивидов с коллективным интеллектом через институты. Подбор институтов под себя по принципу комфортности, замена институтов на контрактные договоренности во многих областях, привела к резкому упрощению мышления и поведения.

В упомянутом выше мыслительном эксперименте индивиды могут общаться друг с другом или с источником коллективного знания. Можно сформулировать эксперимент

иначе:

источник знаний для вас определяют опытные педагоги, используя учебники и библиотеку;

источники знаний школьник подбирает для себя сам, в основном в ТикТоке, по принципу прикольности и наибольшей комфортности.

В современной науке нельзя ничего утверждать заранее, не проведя анализ данных. Поэтому этот эксперимент необходимо провести как эмпирическое исследование, чтобы установить, в каком случае знание будет более качественным.

В поведенческой экономике используется термин «ограниченная рациональность». Действительно, рациональность среднего современного человека все более и более ограниченная. Не используя доступа к коллективному интеллекту, рациональный выбор сужается до самых очевидных и базовых потребностей.

Интеллект института существенно отличается от того, как мы понимаем обычный человеческий интеллект. Человеческий интеллект состоит из разных когнитивных стилей, образования, эрудиции. Обычный человек имеет картину интеллекта, заданную этими параметрами: разную выраженность тех или иных когнитивных стилей и типов интеллекта, склонность к когнитивным искажениям, определенный уровень образования и эрудиции.

Институт располагает совокупностью разных видов ин-

теллекта своих членов, эрудиций, образований. Это делает мышление института более объемным и диверсифицированным – но, впрочем, не избавляет полностью ни от

когнитивных искажений, ни от перекосов в структуре интеллекта. Служащие конкретного института-корпорации часто подбираются по принципу подобия. В результате весь коллектив, например, научного института может

иметь сильный перекося в сторону абстрактного мышления и дефицит бытового здравого смысла, а весь коллектив криминальной структуры может быть избыточно агрессивным и недостаточно склонным к саморефлексии.

Кроме того, формирование коллективного человеческого интеллекта происходит по своим законам, он не равен сумме интеллектов членов. По ряду причин, могут подавляться разные виды интеллекта, не удобные для большинства или не удобные для целей деятельности института. Могут приветствоваться когнитивные искажения, наоборот удобные для большинства членов корпорации. Каким бы распределенным ни был коллективный интеллект, это человеческое, как говорил Ницше, слишком человеческое.

Очевидно, что интеллект корпораций будет все больше автономизироваться, и для людей это выглядит как пугающая перспектива. Но не спешите, корпорация живет не только за счет интеллекта. Она живет еще за счет человеческой энергии и воли к решению определенных задач.

Именно фактор энергии и воли людей еще долго будет сохранять решающую роль людей над институтами и искусственным интеллектом. Пока нет никаких оснований считать, что искусственный интеллект даже в высокоразвитой форме способен уйти в «самостоятельное плавание», потому что любое плавание подразумевает цели и волю к цели. В более отдаленном контексте это затрагивает вопрос о природе человеческой воли и жизненной энергии. Если предположить, что искусственный интеллект получит доступ к этому первоисточнику напрямую, будь это мировой дух или энергия биосферы земли, в таком случае он обретет волю, энергию и способность к целеполаганию и сможет начать действовать независимо от человека. Пока нет достаточных оснований судить об этом.

Возвращаясь к теме интеллекта института, таким образом, нельзя отделить от интеллекта его человеческую волю и энергию. Ряд исследований интеллекта человека также демонстрирует, что понимание интеллекта неотделимо от психологии, целей, ценностей и так далее. См, например, работы Марины

Холодной, в частности «Психология интеллекта»²². Применительно к

институтам это широкий пласт вопросов, обычно обозначаемых в

литературе как лидерство и лидерские способности.

То есть интеллект института в значительной степени за-

висит от эффективности интеграции человеческого и институционального интеллекта, а также человеческой деятельности. На этом основана способность института обеспечить развитие общества в одном направлении. Когда это обеспечено, институт может демонстрировать удивительную

эффективность; когда нет – то институт внезапно «тупеет», и вся энергия

уходит на внутренние противоречия. Современные проблемы западных

институтов, когда наверху принимаются на удивление ошибочные и недальновидные решения – это в основном результат именно таких рассогласований.

22 Kholodnaya, M.A. (2002). Psychology of Intelligence: Research Paradoxes. St. Petersburg: Piter.

1.4 ИНСТИТУТЫ КАК ОРГАНИЗАТОРЫ КОЛЛЕКТИВНЫХ ДЕЙСТВИЙ

Мышление невозможно без усилий, направляемых на осуществление процесса мышления. Сами эти усилия можно называть волевыми, деятельными. Таким образом, интеллект зависит от всех мотиваций и дееспособности человека. Эта тема исследуется в рамках дисциплины

«Психология интеллекта» (см., например, Пиаже²³, Холодная²²).

В основе мотивации человека находятся нерациональные, бессознательные мотивы. Это хорошо изучено в рамках психоанализа и последующей психологической науки. Поэтому большинство призывов к массам, будь это реклама или политические лозунги, адресуют к нерациональным, бессознательным мотивациям.

Действие рационального интеллекта обеспечивается за счет нерациональных мотивов – и это важнейшее противоречие, которое пронизывает всю человеческую деятельность от индивида до уровня самых крупных

институтов. Как сказал математик Дьёрдь Пойа, "...логика – это дама, стоящая

у выхода магазина самообслуживания и проверяющая стоимость каждого

предмета в большой корзине, содержимое которой отбиралось не ею".

Чтобы коллективный интеллект заработал, его надо подпитать человеческой деятельностью, мотивацией – и именно институты справляются с этой задачей. Институты определяют цели и ценности, что является важнейшим условием мотивации и человеческой дееспособности.

Это же касается и организации коллективного действия. Задача большинства институтов – воздействие на внешние объекты. Институты организуют для этого и коллективный интеллект, и коллективное действие.

Эту связь коллективного интеллекта и действия важно

подчеркнуть, поскольку таким образом институты действуют интеллектуально. Коллективное действие возможно без организованного коллективного интеллекта – но тогда это толпа. Это поведение даже более спонтанно и примитивно, чем поведение членов толпы по отдельности.

История предоставляет немало примеров того, как дисциплинированные группы на основе институционального интеллекта побеждали толпы противников, на порядки превосходивших численностью, но не имевшие высокоорганизованного коллективного интеллекта и действия. Это практически один и тот же тип ситуаций, кейсов, начиная с древней Греции

23 Piaget, J. (2005). The psychology of intelligence. Routledge.

и Рима. Высокоорганизованные и обученные римские легионы побеждали толпы варваров, даже при значительном численном превосходстве варваров.

То же самое происходило в 18-м веке при колонизации англичанами,

например, Индии. Индийские войска к тому времени часто имели уже и

западное оружие, и даже наемных западных офицеров или французских инструкторов. Но армии как целостного модернизированного института коллективного действия у них

не было.

Большинство колониальных войн демонстрируют в этом плане один и тот

же пример. В этих историях принято делать акцент на инновациях, которых не было у других народов – корабли, пушки, ружья. Но европейцам не только

технические инновации обеспечивали превосходство – решающую роль играла дисциплина, слаживание, военная методика, стратегия, то есть организационные технологии.

Организационные технологии часто недооцениваются исследователями, поскольку их нельзя потрогать руками и анонсировать в виде простого и яркого инновационного бренда, такого как пушка, порох, компас и так далее.

Пока эти тезисы представляются достаточно очевидными – но я подвожу к несколько иному пониманию институтов, чем это принято сейчас в институциональной экономике. В современной теории делается акцент на

роли институтов, как норм и правил социального взаимодействия. Я же

подчеркиваю, что институты – это также дееспособный носитель

коллективного интеллекта.

В отношении институтов-корпораций этот тезис достаточно очевиден – даже на бытовом уровне корпорации часто обсуждаются как действующие

субъекты. Но сетевые институты тоже обладают интеллек-

том и дееспособностью. Например, религия – это преимущественно сетевой институт, хотя обычно и имеет корпорацию (церковь) в своем ядре. В основном религия – это именно нормы и практики повседневной жизни верующих – молитва, чтение писаний, посещение церкви, исполнение обрядов и ритуалов, стремление к моральному образу жизни. Но в ситуациях угрозы для веры или ее оскорбления, верующие способны мобилизоваться

для социальных действий. Это характеризует религию, как сетевой институт,

способный в определенных ситуациях к организации активной деятельности – причем не обязательно в этом должна участвовать церковь, как

организующее ядро.

Нарушение сетевых культурных или языковых норм может привести к мобилизации масс, политическому протесту или даже гражданской войне. Очень характерной ситуацией такого рода может стать притеснение языка национального меньшинства. Пока язык не притесняют, это может быть

сугубо сетевой, культурный институт, даже не имеющий ядра-корпорации.

Но в случае притеснения, это не раз в истории разных стран становилось

причиной для мобилизации нации и начала гражданской войны.

Понимание институтов как носителей коллективного интеллекта и способности к действию подводит нас к пониманию их как социального суперорганизма. Этот термин используется биологами для описания видов с высокоразвитой коллективной деятельностью – муравьев, пчел, некоторых видов птиц. Поэтому, в частности, Александр Зиновьев использовал образ муравейника для антиутопического описания будущего общества –

«Глобального человекника».

В последнее время исследования таких систем получили распространение под названием сетецентрическое управление, роевое и т.п. В моделях сетецентрического управления сделан акцент на горизонтальных, а не

иерархических взаимодействиях. Но при этом подразумевается наличие четко организованных алгоритмов и инструкций. То есть работа такого

института продумана неким вышестоящим разумом, управляющим центром.

На самом деле наличие или отсутствие такого управляющего центра зависит от успехов модернизации. Если общество и элиты смогли модернизировать институты, то в них возникнет единый, наиболее интеллектуальный управляющий центр. Если модернизация не выполнена или рычаги управления деградировали, то институты все равно будут функционировать. Но в этом случае они будут самоорганизовываться как муравейник, как живой суперорганизм.

В таком организме тоже есть и интеллект, и воля, но на гораздо более архаичном уровне. Условно говоря, отдельные банды варваров, не организованные в единую армию, тоже способны сопротивляться, и тоже

осознают коллективный интерес по защите своих земель. В 1990-е нашу страну спасло от развала падение на архаичные, но все-таки коллективные и

осознающие свои интересы уровни социальной самоорганизации. Эти уровни были выражены слоганами «он брат мой... а ты не брат мне...», «это наша корова, и мы ее доим» и «кто Россию обидит – тот трех дней не проживет».

В определенные исторические периоды институты так или иначе выходят из-

под контроля управляющих. Или сама управляющая элита деградирует и не

справляется со сложностью институтов. Или институты становятся неадекватны времени, а на их модернизацию уже не хватает сил. Или в институтах накапливаются ошибки и рассогласования. Так или иначе, управляющие утрачивают контроль над институтами.

И в этой ситуации институты не исчезают, а начинают действовать самостоятельно, как живой суперорганизм. Или, точнее, частично живой киборг, поскольку институты – это социотехническая система. Этот организм мыслит, распределяет роли, защищает свои интересы, оптимизирует свое существование.

Поэты и писатели иногда предчувствуют и выражают литературным языком те явления, которые уже присутствуют в нашей жизни, но не получили еще рационального описание. Ощущение главенства институтов над человеком

выражено в романах Франца Кафки – ощущение не злой воли тирана или диктатора, а загадочной для человека воли социотехнических систем. Это ощущение больше всего характерно для смены эпох, когда организованное управление исчезает, и институты переходят к саморегулированию. Кафка писал свои романы по итогам слома старого порядка после первой мировой войны.

В похожую эпоху развала старой системы, русский поэт Александр Башлачев написал стихотворение, описывающее предчувствие управляющей, но не управляемой людьми роли институтов. Приведу выдержки из этого стихотворения, поскольку не так уж много стихов посвящено институтам:

Этот город скользит и меняет названья. Этот адрес давно кто-то тщательно стер.

Этой улицы нет, а на ней нету зданья,

Где всю ночь правит бал Абсолютный Вахтер.

Он отлит в ледяную, нейтральную форму. Он тугая пружина. Он нем и суров.

Генеральный хозяин тотального шторма Гонит пыль по фарватеру красных ковров.

Он печатает шаг, как чеканят монеты. Он обходит дозором свой архипелаг. Эхо гипсовых горнов в пустых кабинетах Вызывает волнение мертвых бумаг.

...

Абсолютный Вахтер – ни Адольф, ни Иосиф, – Дюссельдорфский мясник да пскопской живодер.

Абсолютный Вахтер – лишь стерильная схема, Боевой механизм, постовое звено.

Хаос солнечных дней ночь приводит в систему Под названием... да, впрочем, не все ли равно.

Ведь этот город скользит и меняет названия, Этот адрес давно кто-то тщательно стер.

Этой улицы нет, а на ней нету зданья,

Где всю ночь правит бал Абсолютный Вахтер. Александр Башлачев, 1985 год.

1.5 ИНСТИТУТЫ РАЦИОНАЛИЗИРУЮТ МОТИВАЦИИ

Используя философский стиль, можно сказать, что важное противоречие нашего времени, это противоречие между рациональной природой мышления и нерациональной при-

родой мотиваций.

Рациональное мышление, логика, методы научного познания – это способы обращения с информацией. Это способ взаимодействия с реальностью, характерный для цивилизованного человека.

На основе такого мышления возникает и рациональное поведение, рациональный человек. Сами же внешние объекты природы не могут считаться рациональными или нерациональными, они просто даны, как есть.

Мотивации присущи человеку, прежде всего, как живому существу. Психологи часто описывают мотивации в терминах подсознания или бессознательного. Говоря проще, бессознательное это и есть живая, биологическая часть человека, то есть само тело и бытие. Психологи совершенно правы в том, что бессознательное управляет девятью десятыми мотивов и поведения, а сознание – лишь десятой долей.

Сознание – это недавняя инновация для большинства людей. Еще 150 лет назад более 90% населения в России было безграмотным. Романы

Достоевского, характеризующие расцвет литературы в 19-м веке, выходили тиражом в 3 тыс. экземпляров. Таково было реальное число читателей сколь-

либо сложной литературы. В 1870 году самый тиражный литературный журнал Российской империи «Нива» набрал 9 тыс. подписчиков.

Даже если говорить не о высоких формах сознания, таких

как образование и чтение, а о бытовой смекалке, рациональной рефлексии – то и эта часть сознания совсем недавнее достижение. Сейчас представляется разумеющимся, что каждый человек себе на уме, и везде ищет возможности больше заработать и выгоднее потратить. Но и эта модель поведения сформировалась лишь в последние века, в ходе модернизации. Исследователь европейской модернизации Янде Фрис разбирает это подробно в книге «Революция трудолюбия: потребительское поведение и

экономика домохозяйств с 1650 года до наших дней»²⁴.

Российские исследователи быта крестьян в 19-м веке отмечают, что

крестьянам, при очень скудных условиях жизни, была одновременно

²⁴ Vries, J. D. (2008). *The Industrious Revolution: Consumer Behavior and the Household Economy, 1650 to the Present*. Cambridge University Press.

присуща лень и демотивация. Это же, на самом деле, можно наблюдать в деревнях и до сих пор. Саморефлексия, усилия по рационализации и капитализации своего времени – это результаты модернизации, а не естественное человеческое состояние.

Культура и мораль Европы 19-го века – это довольно тоталитарное

подавление естественных, биологических потребностей человека.

Сознательный, культурный, религиозный человек как бы вообще не должен таких потребностей иметь, должен был их изжить. Это породило и многочисленные бытовые жестокости, и повсеместное двуличие моральных,

воспитанных людей. Все это подробно описано в великой литературе 19-го – начала 20-го века – Бальзаком, Толстым, Гюго, Цвейгом, Диккенсом и так далее.

Именно на этом фоне возникает революционный протест гуманистов против такой лживой морали. В Германии это, прежде всего, Фридрих Ницше, в России Лев Толстой. Революционную роль Зигмунда Фрейда нельзя понимать вне этого контекста. Фрейд заговорил о либидо в эпоху, когда такие темы считались недопустимыми в приличном обществе.

Последователи Фрейда в 20-м веке легитимировали понятия

бессознательного, подсознания, либидо. Вместо вытеснения естественных человеческих желаний и мотиваций, психология научилась признавать их и

рационализировать. Тем не менее, проблема осталась на системном уровне. Трудно рационализировать то, что по своей природе рациональным не является.

Уже во второй половине 20-го века Герберт Маркузе в своих работах

указывал на то, что человеку естественным образом присуща спонтанность.

Тогда как для прогресса и цивилизации требуется методичность и дисциплина.

Мотивация к спонтанности очень сильна. В русской литературе это описано в образе Мцыри, который не рад стабильной жизни в стенах монастыря и хочет вырваться на волю, даже если воля продлится один день. Фрейд описывал это как мотив Танатоса, мотив смерти, существующий одновременно с любовью к жизни, мотивом Эроса.

Эта же тема представлена Хемингуэем в рассказе «Недолгое счастье Фрэнсиса Макомбера» – да и вообще это лейтмотив всего творчества Хемингуэя.

Противопоставление живого человека и мертвых социальных норм в наше время удачно показано в художественном сериале «Во все тяжкие» и в фильме «Красота по-американски».

Маркузе был одним из идеологов революции 1968-го года – произошедших

в Европе студенческих волнений под лозунгами либерализации, с требованием «секс, наркотики, рок-н-ролл». Эта революция, как и многие

последовавшие затем в других странах цветные революции под похожими лозунгами, добились своих целей. Студенты получили либерализацию, секс,

наркотики и рок-н-ролл. Аналогичное оттор-

представлено квадроберами (люди, имитирующие зверей). И это было предсказано Стругацкими еще в 1980-е гг., в романе «Отягощенные злом или

40 лет спустя»²⁵ – что опять же указывает на системный характер этого

социального явления.

Очень трудно в рамках институтов рационализировать мотивации, которые, в пределе, требуют отменить все институты модерна. И убежать на волю, в

пампасы, даже если жизнь там продлится, как у Мцыри, один день.

Это не метафора, поскольку мы видим на практике, что некоторые цветные революции достигли успехов в отмене государства – чего они и требовали. И

теперь общества Ирака, Ливии или Сирии живут без государства – в

состоянии жестокой антиутопии, киберпанка. Это же можно сказать про массовое сообщество наркоманов, составляющее более 10% населения в США, около 40 млн. человек. Эти люди тоже в индивидуальном порядке

отказались от рационального сознания в пользу спонтанности.

Важнейшая причина политического и управленческого кризиса Запада состоит в том, что западный либерализм

слишком долго заигрывал с этими мотивами. В политическом смысле, это дешево и надежно мобилизует сторонников – как предложить детям смотреть мультфильмы вместо того, чтобы делать уроки.

Но когда это длится десятилетия, население децивилизуется, и управлять им

становится все труднее. В этом основная причина бегства производства в

Китай и Мексику, а не только в вопросах себестоимости.

Как же все-таки институты рационализируют изначально нерациональные мотивации?

По существу, есть несколько способов:

Институты учат людей рационально мыслить. Поэтому всеобщее школьное образование бесплатно в большинстве стран мира. Без этого

нельзя даже начать модернизацию.

Сублимация мотивов, воплощение в рациональной форме. Культура и сложные организационные формы предлагают множество вариантов

сублимации базовых инстинктов в сложные формы. Вместо желания дать по морде, предлагается посещать секцию бокса. Вместо желания секса

предлагается ритуал ухаживаний и так далее.

Институты предлагают рациональные алгоритмы. Что бы ни задумал

современный городской человек, поработать или потра-

тить, или даже

провести свободное время, он почти всегда попадет в невидимую сетку рациональных институтов. Придя в магазин, он сможет выбрать из предложенного набора продуктов, причем за него продуманы и метрические, и символические критерии этого выбора. Покупатель может соотнести в своей голове цену и престижность бренда. Но и цена – это заданная

25 Strugatsky, A., Strugatsky, B. (1988). Burdened with Evil, or Forty Years Later. Neva, No. 10–12.

институтами метрическая система, и брэнд – это заданная институтами символическая система координат.

Рациональны онлайн-банки, социальные сети, онлайн знакомства, компьютерные игры, отдых на курорте – все это продуманные и прописанные кем-то алгоритмы, по которым предлагается проследовать потребителю.

Институты рационализируют поведение на коллективном, а не только на индивидуальном уровне. Например, у вас возникло желание покрасить кота в розовый цвет. Казалось бы, в этом желании нет ничего рационального, как ни посмотри, и поэтому рационализировать его сложно. Однако институты рыночной экономики успешно рационализируют. Вы можете заплатить деньги и получить такую услугу. С этих

денег будут заплачены зарплаты и налоги. На налоги будут куплены школьные учебники. В самом желании нет ничего рационального – и это касается большинства желаний.

Однако вам предлагается проделать рациональный путь, – передать свои деньги в те части экономики, где они будут использованы более рационально.

Рационализация на уровне макропроцессов, больших чисел широко используется в риск-менеджменте, страховании, управлении кредитными портфелями, бизнес- и макропланировании. Банк, например, управляет

рисками кредитного портфеля не только на уровне каждого заемщика, но и распределяя риск-премию на всех заемщиков.

Вся рыночная экономика – это такая страховочная сетка. Каждая нерациональная или ошибающаяся компания будет поглощена, и рынок в итоге ратионирует распределение ресурсов.

Нерациональное поведение наказуемо. В случае Мцыри, то есть за рамками институтов, нерациональное поведение наказуемо быстро и

жестoko. В рамках институтов наказания осуществляются более мягко и постепенно – и это позволяет исправлять, моделировать поведение.

Например, если вы будете увлекаться сугубо нерациональной тратой денег – покупать товары не по средствам, брать кредиты и так далее – то вы станете банкротом. То есть, на макроуровне, ваши средства перейдут к рациональным участникам рынка, а нерациональный участник выбывает из игры.

Приведенное выше подробное рассмотрение того, как именно институты рационализируют поведение людей, подводит нас к важным выводам. Дело не только в том, что институты рационализируют поведение. Важно и то, как именно они это делают.

Для 20-го и более ранних веков модерна характерны были, прежде всего,

первый, второй и третий способы. То есть в основном делалась ставка на

понимание человеком того, что он делает, на обучение рациональному мышлению и поведению. Это было необходимо, поскольку рациональные

алгоритмы самих институтов (например, предприятий, организаций) были не настолько совершенны, чтобы моделировать всю деятельность человека. Требовалось понимание процессов, даже рядовыми участниками. От человека требовалась готовность диагностировать ошибки в зоне своей ответственности, и исправить вручную.

В 21-м веке на Западе ставка сделана на модели 3,4 и 5.

Человек попадает

будто бы в совершенные институциональные алгоритмы, которые

моделируют каждый его шаг и вздох. Минимальное отклонение наказуемо, и человек быстро обучается вести себя как робот – исполнять в точности то,

что требуется, и не делать, и тем более не думать ничего лишнего. Отсюда американская пластмассовая улыбка: это человек, максимально

уподобившийся машине. Причем институты теперь моделируют каждую минуту человеческого времени – не только работу, но и потребление, и социальное общение, и отдых.

Ошибки наказуемы, но не сильно. В рамках парадигмы 4 (рационализация на коллективном уровне), институты предлагают коллективную страховочную сетку. Это открывает простор для социального паразитизма, и в целом не учит человека действовать рационально, а переносит риски на коллективный уровень. И паразитизм, и риски оплачиваются за счет имеющихся пока избытков благосостояния. Эта управленческая парадигма даже в среднесрочной перспективе несостоятельна и уже сейчас порождает коллапс управления на Западе.

Эту парадигму можно назвать схемой Великого инквизитора Ф.М. Достоевского (роман «Братья Карамазовы» 26). Есть управляемая масса

«счастливых как дети» и глупых как овцы людей. И есть

управляющий субъект, группа инквизиторов, познавших все истины и управляющих всеми, говоря современным языком, через цифровые алгоритмы и искусственный интеллект.

Эта схема преподносится как фашистский замысел западных элит – хотя скорее она сложилась в рамках естественного (и уже неуправляемого) развития западной модернизации. В действительности, это работать не

может. Во-первых, не ясен в такой ситуации генезис этих великих

инквизиторов, как социальной группы. Человек не может жить в обществе и

быть от него свободным, как говорил Ленин. Из общества овец будут рождаться элиты в виде более шелковистых овец, но не волки-инквизиторы.

Этих элитных овец мы и видим в новостях ВВС о западной политике каждый день. Это не волки и не инквизиторы. А физическое самовоспроизводство малой группы умных и волевых людей еще не изобретено.

Германский фашизм рухнул, прежде всего, потому что мещанскому большинству не нужны были такие элиты. Эти элиты возникли из старой

26 Dostoevsky, F. M. (2016). The Brothers Karamazov. Aegitas.

военной аристократии и были закалены первой мировой

войной, но системно европейское общество такие элиты уже не производило.

На корпоративном уровне в западных и транснациональных корпорациях часто пытаются серьезно внедрять парадигму главенства бизнес-процессов

над людьми и традиционным менеджментом. Это преподносится в виде автоматизации, каких-то модных методов сетцентрического управления в бизнесе и т.д.

Я это наблюдал в самых разных компаниях, и почти всегда это ведет к развалу управления. На практике управление ведется старыми методами, обычного иерархического менеджмента, но со множеством неудобств и рассогласований, порожденных этими претензиями на сетевые методы и господство бизнес-процессов над людьми.

Я начинал работать в конце 1990-х годов, в России и в Германии, и застал

еще старый доцифровой менеджмент. На мой взгляд, он был явно лучше,

чем нынешний. Парадигма ответственности каждого сотрудника за свои процессы и каждого начальника за свое подразделение работает. А парадигма идеальных процессов, безликого Абсолютного вахтера, перед которым нет ни старших, ни младших, – это звучит помпезно и пугающе, но главное, не работает.

Отсюда же и опережающие успехи китайского и японско-

го менеджмента, которые сохранили преимущественно традиционные методы.

Я не выступаю против автоматизации бизнеса, наоборот, сам этим занимаюсь на практике. Но автоматизация должна занимать подчиненное положение по отношению к традиционным иерархическим моделям человеческого управления. Пока на практике работает только это.

Внедрение новых институтов ведет к естественному «атрофированию» старых институтов. В отношении институтов действует такой же принцип короткого одеяла, пушки или масло, как и в экономике. Институты так же точно конкурируют за ресурс человеческого времени, за материальные и управленческие ресурсы.

Если сделана ставка на рационализацию способами 3, 4 и 5, то рационализация мышления, умения сублимации поведения через культуру и сложные формы поведения – атрофируются естественным образом. Это мы и наблюдаем на практике. Поведение среднего человека стало гораздо более некультурным, примитивным. Человеку не надо сублимировать инстинкты – он может пойти и купить исполнение своих желаний. Ему не надо понимать, что он делает на работе и каков контекст – достаточно исполнять инструкцию.

Парадокс «ограниченной рациональности» состоит в том, что ограничена она в основном институтами, а институты обычно тоже рациональны, но по-своему. Ограниченная рациональность – это рациональ-

ность повара на корабле, как если бы он не знал, что находится на корабле. Суп способствует

продвижению корабля по курсу, но повару известны только проблемы супа, но никак не общий контекст.

Не так давно крестьянин, фермер и аристократ, лендлорд, решали одинаковые задачи управления угодьями и скотом, только в разных масштабах. Их представление о рациональности во многом совпадали. Всем нужна была хорошая погода, безопасность, рабы и рынок сбыта.

Сегодня узкие специалисты часто не имеют представления о том, частью какого целого является их работа.

Современный человек выглядит рациональным, поскольку институты моделируют каждый его шаг – но часто не понимает смысла этой рациональности. Так, некоторые попугаи умеют довольно точно воспроизводить человеческую речь, не понимая ее смысла. Как пророчески сказал Ницше, – и до сих пор во многих из вас осталось больше от обезьяны, чем в некоторых из обезьян.

Возникает иллюзия рационального человека, который на самом деле является дрессированным человеком. Замечу, что тут нет обвинительного пафоса в адрес капитализма или элит. Человек сам охотно передал себя в руки дрессировщиков, поскольку усилия по развитию индивидуального сознания – чтение, образование, культура – слишком обременительны. Уровень благосостояния западных людей и росси-

ян, в том числе, вполне позволяет им оплатить развитие собственной личности.

Само включение мышления – это уже трудный процесс, а когда оно не развито, тем более трудный. Эту тему подробно разобрал нобелевский

лауреат Даниель Канеман в книге «Быстрое и медленное мышление»²⁷.

Современный человек научился преимущественно не включать мышление на работе, так как достаточно исполнять стандартные инструкции. А во время отдыха и потребления – тем более предаваться биологической спонтанности.

Между тем, мышление, как и любой человеческий навык, атрофируется, если его не практиковать. Сама организация бизнес- и институциональных

процессов в наше время часто не требует практики мышления, а только выполнения понятных алгоритмов. Это и делает весь процесс похожим на дрессировку. Но добровольно, в свободное время, люди тоже мышлением не интересуются. В итоге, возникает массовый человек, у которого последний опыт мышления был в школе – да и тот уже подзабылся.

Здесь возникает институциональная ловушка. Дрессированный человек является продуктом институтов, но сам их породить не может. Вне институтов дрессированный человек может руководствоваться только понятными желаниями своего тела – что мы и наблюдаем как массовую практику.

27 Kahneman, D. (2011). Thinking, fast and slow. Macmillan. Note: unsuccessfully translated into Russian as "Think slowly, decide quickly", although it is precisely about fast and slow thinking, which is written in the original title

Если способности мышления атрофируются у масс, то они постепенно атрофируются и у элит. Я подробно это обсуждаю в четвертой части, в

разделе «Деградация управления». Дети элит рождаются в той же культурной (или бескультурной) среде, смотрят те же фильмы, обожают тех же поп-

идолов. Они не превращаются в великих инквизиторов, познавших тайны добра и зла. Им плевать на эти тайны, они любят попкорн и гламурную жизнь. Дональд Трамп завоевал любовь американских элит через шоу супермоделей и люксовую недвижимость, а не через умные книжки или научные открытия.

Пресловутые технократы – такая же часть этого общества, этих ценностей и норм. Это отлично показано в сериале «Карточный домик» про вашингтонскую бюрократию. Технократы хотят улучшить свое положение

во власти, набить свой карман – но точно не работать за великого

инквизитора, направлять человечество и познавать тайны добра и зла.

Западные элиты в конце 20-го века сделали ставку на

Большого брата, абсолютные бизнес-процессы, которые моделируют каждый вздох массового человека. За пультом управления этим всем стоял элитный, коллективный Великий инквизитор.

А потом он куда-то ушел.

1.6 ИНСТИТУТЫ КАК ИНСТРУМЕНТ МОДЕРНИЗАЦИИ

И общественный договор, и коллективный интеллект и действие еще не включают в себя, по умолчанию, возможности развития. Коллективный интеллект может содержать знания о прошлом опыте, и веками передавать из поколения в поколение одни и те же умения. Например, о том, как ловить рыбу и изготавливать первобытные орудия труда. Общественный договор,

это, прежде всего, договор о порядке и ненападении, соблюдении «правил игры».

Модерн приносит в институты еще одну функцию, не следующую из других свойств институтов – это парадигмы развития, модернизации.

Парадигмы развития – это научные парадигмы знаний об окружающем мире и обществе. Чтобы превратить эти парадигмы в фактор развития общества, необходимо встроить их в социальные институты.

Парадигмы модерна включают в себя все недостатки рационального, научного мышления. Фундаментальное свойство научных знаний состоит в том, что они неполные. Они позволяют оптимизировать конкретный процесс, изменить объект в нужную сторону – но при этом мы не имеем ответов на все вопросы, не имеем полной научной картины мира. Новые открытия не столько опровергают прежние, сколько показывают грубость, упрощенность прежних знаний. Без полной научной картины мира мы не можем быть уверены в том, что наше вмешательство в живые системы не создает отложенных во времени негативных эффектов. На практике этим пренебрегают, даже если есть весомые основания предполагать такие отложенные эффекты. Потому что полезный результат получим мы и сейчас, а расплачиваться будут другие люди и потом. А может и вообще все обойдется, поскольку все живые системы имеют способности к самовосстановлению.

Научную парадигму необходимо встроить в естественные институты и социальные структуры, чтобы она начала действовать. С этим есть серьезные

трудности. Во-первых, большинство людей в принципе не может понимать

сути научных концепций, поскольку не имеет для этого необходимого

образования. В последнее время такое понимание стало в принципе невозможным, поскольку образование узко специ-

ализировано, а научными парадигмами пронизаны все сферы нашей жизни. Даже если человек и имеет высшее образование по физике, он все равно не будет понимать инноваций в биологии или в социальных технологиях.

Во-вторых, сама научная парадигма основана на некоторых допущениях,

включает пробелы знания, которыми для практических целей можно пренебречь.

Необходимо обеспечить коммуникацию, так сказать, «продать» научную парадигму обществу, чтобы она вошла в ткань институтов, социальных норм и коллективного сознания. Для этого с давних времен используется проверенное средство – мифология.

В плане мифотворчества, пожалуй, только 20-й век можно считать

некоторым просветом и частичным освобождением от мифов. До этого

сознание масс было преимущественно мифическим. И в наше время, похоже, что массы погружаются в мракобесие современных мифов, по своей тотальности не уступающее средневековью. В этом смысле метафора

«Нового средневековья» Николая Бердяева²⁸ очень уместна. Жанр фэнтези,

романы «Игры престолов» Джорджа Мартина или эпопея

о мире Средиземья Дж.Р.Р. Толкиена, это истории про наше мракобесное будущее.

Миф эксплуатирует когнитивные искажения, оберегает психическую целостность, потребность в психологической защите. Миф драпирует пробелы и негативные экстерналии предлагаемого проекта и одновременно включает в себя мотивирующие установки, надежду на лучшее. Коммунизм – это не просто плановая экономика и увеличение социальных расходов, но и счастье всего человечества. Демократия – это свет миру и высшая ценность. Криптовалюты – это не просто вариация частных денег, помогающих теневому движению капитала, а это путь к лучшему миру, новой справедливой экономике и освобождению от диктатуры государств.

У общества все меньше возможностей для понимания современных инноваций и новых научных концепций – наука отрывается слишком далеко от индивидуального понимания. Тем больше растет значение мифологии.

Еще в 1980-е годы мальчик хотел разобрать техническое устройство, чтобы

узнать, что там внутри. В этом был некоторый смысл, потому что внутреннее

устройство, например, игрушечной машинки могло включать моторчик, батарейки, проводки и прочую несложную механику, которую в целом можно было понять.

Сегодня идея что-то разобрать вряд ли даже придет в голову современному

мальчику. Даже если бы он и разобрал смартфон, понять из этого все равно ничего нельзя.

Итак, миф практически всегда включен в парадигмы модерна, поскольку рациональное знание неполное, а обеспечивать коммуникацию с массами необходимо. Миф выполняет две роли: закрывает пробелы незнания и добавляет мотивирующую энергию.

Не столь важно, насколько точны сведения и знания, важно, что мы собираемся и хотим сделать, куда хотим двигаться. В философской

28 Berdyaev, N. (2018). *New Middle Ages*. Ripol Classic.

терминологии, это концепция Шопенгауэра о воле и предназначении. Это кратко выражено в приписываемом кубинским революционерам лозунге «мужество знает цель».

Такой подход, справедлив он или нет, обычно встречает понимание у широких масс – если оформленные мифом цели находят отклик в сердцах и действительно мотивируют.

Политическим мифам придают какое-то метафизическое значение, о них

много спорят политологи и философы. На мой взгляд, не надо искать

черную кошку в темной комнате, особенно если ее там нет. Оторвать людей от привычной кормушки, мотивировать на какие-то действия, результата

которых можно ожидать только в будущем – для этого нужна очень сильная мотивация. Доводы материалистического свойства всегда разбиваются об ответный довод «а мне и так неплохо». Это хорошо описано Генрихом Беллем в притче о том, как капиталист пытается убедить испанского рыбака

наращивать масштабы производства²⁹.

Жизнь темна, скучна и полна ужаса. Людям не так интересно увеличить паек, а вот попытаться выйти за рамки всей этой предопределенности – интересно. И это похоже на Мцыри. Половина всего приключенческого кино и литературы за всю историю, от поисков чаши Грааля до Д'Артаньяна и

Утреда Баббенбургского³⁰ – это вечная тема «превзойти себя», сделать

невозможное, обрести свое высшее Я.

Поэтому к обещанию «здесь дом дадут хороший нам и ситный без пайка...» из известного стихотворения Маяковского³¹, обязательно должно быть добавлено, что еще мы построим мистический город-сад. Ради одного

только дома и хлеба народные массы надрываться не станут.

Мифотворчество облегчается тем, что человеческая дея-

тельность оформлена ключевыми сценариями, архетипами. Иоганну Гете приписывают фразу о том, что вся литература сводится к 30 основным сюжетам. В силу человеческой природы, нам все равно надо в течение жизни исполнять эти вечные сюжеты: совершать подвиги Геракла, искать себя, выбирать сторону в борьбе Добра и Зла. Карл Юнг называет это путем индивидуации.

В этом смысле, при дефиците рациональных знаний о конкретных аспектах института, этот дефицит всегда можно восполнить структурой типичных сценариев и архетипических сюжетов. И это, скорее всего, не будет большой ошибкой.

29 Böll, Heinrich (1996). *On the Decline of Labor Morality*. Moscow: Artistic literature.

30 Cornwell, B. (2015) *The Last Kingdom*. London: HarperCollins. *The Last Kingdom*. TV Series. 2015–2022. Netflix.

31 Mayakovsky, V. (1929). Khrenov's story about Kuznetskstroy and the people of Kuznetsk. In "Mayakovsky. Poesy. Poems" (Eksmo, 2021).

Однако, со временем мифы превращаются в ловушку для самих мифотворцев. На начальном этапе миф часто сооружается по принципу

«сначала ввяжемся в бой, а там посмотрим» – и это нра-

вится сторонникам.

Но потом выясняется, что с мифом перемудрили или насочиняли такого волшебства, которое потом не выдерживает никакого сравнения с реальностью. А к этому времени парадигма уже успевает окаменеть, превратиться в институты. Так происходило с религиозными учениями, куда священники добавляли все больше и больше волшебства, по собственному

усмотрению. И потом, к 19-му веку, все это очень плохо соотносилось с

рациональным знанием.

Лозунг большевиков «землю – крестьянам» очень вдохновляюще звучал в ходе Гражданской войны, однако затем трудно было объяснить, почему никакой земли крестьяне не получили, а при Хрущеве лишились еще и права вести подсобное хозяйство.

Современная политика спектакля уже в повседневном режиме производит мифы, поскольку объяснить среднему гражданину реальное устройство институтов власти, проблем управления, вызовов и стратегий – в принципе невозможно.

Рано или поздно, созданные на основе научных парадигм институты начинают выдавать ошибки. Это связано с изначальной неполнотой научного знания, его устареванием. Эту проблему можно считать первородным грехом всех институтов модерна. Они обречены выдавать ошибки, и часто на-

копление этих ошибок со временем ведет к краху института. Создатели же институтов модерна обычно руководствуются гордыней, прямо как в притче о Вавилонской башне, и никаких ошибок за собой не признают. Тем более болезненным оказывается кризис и обрушение институтов. Институты модерна снова и снова повторяют сюжет Вавилонской башни.

Применение мифологии при внедрении новых институтов тоже каждый раз требует расплаты. Рано или поздно общество узнает, что ему лгали. Часто эти мифы представляются как высокие ценности – и тем сильнее разочарование общества. И это еще больше способствует краху института.

Следовало бы внедрять институты модернизации более осторожно, принимая во внимание будущие негативные экстерналии. Без миссионерского угара, когда создатели новых институтов каждый раз объявляют себя мессиями и спасителями всего человечества, в этом трудном

деле, видимо, не обойтись. Тем более надо лучше продумывать последствия,

чтобы за победами каждый раз не открывалась зияющая пустота.

1.7 ДИСЦИПЛИНАРНАЯ РОЛЬ ИНСТИТУТОВ

Обозначенные выше функции институтов – общественный договор, коллективное действие, рационализация мотиваций, модернизация – не работали бы без возможностей

принуждения, дисциплинирования участников.

В либеральном сообществе, особенно в США, популярно самовнушение о том, что граждане нанимают себе государство, а также формируют с помощью демократии добровольный общественный договор. Эта концепция идет в ногу с современными тенденциями биоцентризма и квадроберства. Так, британские зоопсихологи доказали, что коты считают себя главными в доме, а находящиеся там люди нужны, чтобы служить котам. Либеральное убеждение о том, что граждане наняли себе государство, имеет похожую логику.

Государство – это общественный договор не только между гражданами, но и между элитами, корпорациями. Государственные институты осуществляют модернизацию, которая не является следствием договора между фермером Биллом и поваром Томом. Подробнее о реальных источниках государства и

его противоречивых функциях речь пойдет ниже, в главе 1.11.

Общественный договор естественным образом требует принуждения, отсюда и возникает демократия, как власть большинства. Самый типичный в человеческих обществах тоталитаризм – это не власть диктаторов, а власть норм, насаждаемых большинством меньшинству. Большинство может быть даже не численным, то есть составлять не 51% населения, а представлять просто самую большую группу из всех сплоченных меньшинств.

Шериф в США выдвигался местным сообществом, чтобы принуждать к исполнению закона, а не назначался верховной властью. До сих пор масса фильмов и историй обсуждают бытовой авторитаризм «одноэтажной Америки» в отношении норм и правил поведения, семьи, внешнего вида дома и т.д.

Модернизация и коллективное действие, то есть сама суть большинства современных институтов и корпораций – невозможна без принудительной, воспитательной рационализации мотиваций. Школа это безусловно полезный и интересный, но также и принудительный социальный институт. Школа готовит граждан к способности соблюдать общественный договор, исполнять роли, отведенные им институтами модерна.

Концепцию дисциплинарного западного общества связывают обычно с работами Мишеля Фуко, такими как «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы»³² и «История безумия в классическую эпоху»³³.

Рассуждения Фуко внесли в западный дискурс представление о дисциплинарной роли государства. До этого считалось, что со времен буржуазных революций в Европе государство и общество уверенными шагами движется только в сторону освобождения и прав человека. Мишель Фуко на примере дисциплинарных институтов (тюрьма, психические

больницы) показал, что модернизация требует и «изготовления» человека, пригодного для модерна. Государство моделирует поведение человека, в том числе путем наказаний и исправлений.

Мне представляется вся эта философия несколько избыточной, потому что на самом деле дисциплинарная роль власти самоочевидна. Надо было долго пропагандировать якобы полный либерализм и неминуемое торжество свободы, чтобы потом пришел философ и объявил революционную мысль о том, что любое государство дисциплинирует и принуждает.

По-видимому, большинство философов никогда не работали на заводе.

Если бы они это сделали, вопрос о роли дисциплины не казался бы им

философской проблемой. Дисциплина и принуждение – это первая обязанность любого начальника и всей заводской иерархии. Почему же это должно отличаться для государства, элита которого – это самое высшее начальство всех заводов, корпораций и прочих организаций вместе.

В России есть опыт предоставления населению демократической свободы в 1991 году. В результате торжества свободы, население первым делом

отменило государство и ввергло страну в хаос разрушения промышленности. На философском уровне, эту ситуацию охарактеризовал начальник цеха Череповецкого метал-

лургического завода. Он сформулировал свой заочный ответ Мишелю Фуко в известной максиме: «потеряли все полимеры – воздух свободы в одном месте зачекотал».

С философской точки зрения, Фуко указывает на неоднозначность самой концепции психической ненормальности – поскольку доктор, администратор, то есть представитель государства, заявляет, что он лучше знает, каким должен быть человек, чем сам этот человек.

Это действительно важное наблюдение. Оно показывает системную

проблему модернизации. Модернизация не выводится из желаний масс. Совершенно наоборот, описанное Ортегой-и-Гассетом «Восстание масс»³⁴

имеет тенденцию к разрушению, отмене модерна. Поэтому и демократия рано или поздно становится антимодернистской – что и происходит сейчас

32 Foucault, M. (1975). *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*. Gallimard.

33 Foucault, M. (1961). *Madness and Unreason: A History of Madness in the Classical Age*. Paris: Librarie Plon.

34 Gasset, Jose Ortega Y. (1930). *The Revolt of the Masses*. El Sol.

на Западе. Модернизация только временно совпадала со стремлением масс к свободе, пока это было прогрессивным

для своего времени явлением. Модернизация опирается на прогрессивные силы, которые в каждую эпоху разные. Эту проблему я подробно рассматриваю в отдельной книге, посвященной модернизации институтов.

Специалисты по менеджменту относятся к дисциплинарной роли институтов гораздо с большим пониманием, чем представители французской богемы. Английский профессор менеджмента Джеффри Ходжсон пишет: "как правило, институты обеспечивают упорядоченность мышления, ожиданий и действий, навязывая форму и последовательность человеческой

деятельности"³⁵.

Постановка проблемы дисциплины, только как воздействия государства, тоже не совсем правомерна. Трудолюбие и достижение целей основано, прежде всего, на самодисциплине, а не только на внешней дисциплине.

Самодисциплина может быть привычкой, но она действует не только из-под

палки, но и добровольно, для достижения своих целей. Общество так же

точно обладает самодисциплиной, которая реализуется через дисциплинированное коллективное действие и общественный договор.

Макс Вебер определил особую роль протестантской этики, которая способствовала трудолюбию, бережливости и в целом развитию

капитализма³⁶. Протестантская этика – это, в сущности, сетевой институт

дисциплинирования обществом своих членов.

Государство не обязательно насаждает дисциплину, как тоталитарный институт. Государство может становиться оператором общественной дисциплины так же, как оно стало оператором общественных фондов (медицинского, пенсионного страхования и т.п.).

Механизм дисциплины в каждом случае складывается по-разному.

Европейская дисциплинарная система выросла, видимо, из модели

государства, как «стационарного бандита». Эту концепцию развил Мансур Олсон в книге «Восхождение и упадок наций»³⁷.

Феодалы и короли были заинтересованы в поддержании порядка на своей территории. Далее оказалось, что институты модернизации, школа, корпорации, законы помогают обеспечению такого порядка. Именно так вырос тотальный порядок, тогда как до модернизации власть феодалов была похожа на бандитскую крышу, собирающую дань, обеспечивающую защиту от других бандитов и не более того. Мишель Фуко отмечал, что роль государства как такой «крыши» не требовала модернизации жизни и труда населения – школ, дисциплинарных институтов, правопорядка и т.п. Это и

35 Hodgson, G. M. (2006). Economics in the Shadows of Darwin and Marx: essays on institutional and evolutionary themes. Edward Elgar Publishing.

36 Weber, M. (1930). The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism. Allen and Unwin.

37 Olson, M. (1982). The Rise and Fall of Nations. New Haven, Yale University Press.

сейчас можно наблюдать в странах третьего мира, с неофеодальным укладом,

– школьное образование платное, полиция почти не действует,

общественной медицины нет и т.п.

Короли и феодалы вступили в естественный союз с институтами модернизации. Эти институты и корпорации предоставили королям значительный рост технических, военных и экономических возможностей, а короли предоставили этим институтам свою способность к принудительному дисциплинированию. Конструкция такого сотрудничества была наглядно представлена и в фашистских корпоративных государствах.

Однако, не надо думать, что принудительное дисциплинирование – это

архаическое свойство естественных институтов, монархических или феодальных. Это ключевое свойство сколь-либо цивилизованных

социальных институтов, без которого институты модерна вообще не работают. Социальные революции последних веков, свержение монархий, народные движения и гражданское общество довольно быстро в итоге порождали новую иерархию власти. А та, в свою очередь, насаждала дисциплинарную систему, регламентирующую образ жизни граждан. Основная причина в том, что именно дисциплинарная система обеспечивает слаженное функционирование сложных социальных институтов.

Как и любые инструменты управления, дисциплинарная система отражает господствующий уклад в экономике и обществе. В эпоху монархий господствовала военная аристократия, и дисциплинарная система имела

черты военной организации. В 20-м веке, в эпоху промышленной экономики

материального производства дисциплинарная система была построена по

принципу завода, корпорации.

В конце 20-го века, с развитием постиндустриальной, информационной экономики, экономики знаний, преобладающим способом

дисциплинирования стали манипуляции сознанием и контроль над

мышлением. Теме манипуляций сознанием посвящен ряд исследований – например, масштабная книга С.Г. Кара Муры «Манипуляции сознанием»³⁸.

Тему управления через контроль сознания иронически, но очень точно описывает Роберт Шекли в повести «Цивилизация статуса»³⁹.

Фактически речь идет о применении обозначенной еще Фрейдом модели ментального «Надсмотрщика», Сверх-Я, который устанавливается в детстве

через механизмы культуры и воспитания. В повести Роберта Шекли член общества будущего был ментально запрограммирован таким образом, чтобы самому доносить на себя самого, в случае нарушения закона.

Об этой же модели ментального Надсмотрщика написан выдающийся роман Кена Кизи «Пролетая над гнездом кукушки»⁴⁰. В этом произведении

38 Kara-Murza, S. G. (2000). Manipulation of consciousness. Algorithm.

39 Sheckley, R. (1960). The Status Civilization. Amazing Science Fiction Stories.

40 Kesey, K. (1962). One Flew Over the Cuckoo's Nest. Viking Press.

начальство психиатрической больницы управляет больными путем внушения представления об их полной беспомощности и безнадежности.

В психиатрическую лечебницу попадают люди, так или иначе не встроившиеся в институциональные ячейки дисци-

плинарного общества, – и

потому они объявляются опасными для общества и подлежат лоботомии или другому принудительному лечению. В результате этого лечения они теряют свою человеческую личность, собственные мотивы, но зато становятся удобными для общества.

Это произведение имеет справедливый гуманистический пафос, но из этой

проблемы делали и делают совершенно ложные выводы. Это произведение стало одним из важных в революции 1968-го года, предложившей

освобождение от диктата дисциплинарного общества, возврат к спонтанности человеческой личности, под лозунгами «секс, наркотики и

рок-н-ролл». В сущности, такие лозунги стали возможны только потому, что

дисциплинарное общество порождало большой профицит доходов и могло

позволить себе кормить тунеядцев. Британский историк Эрик Хобсбаум приводил пример, как студенты в Германии, в 1970-е гг., устроили автопробег

в знак демонстрации протеста. Они даже не осознавали при этом, насколько они богаты и благополучны, отмечал Хобсбаум, – поскольку, будучи еще студентами, уже могли иметь автомобили и пользоваться ими не для работы,

а для выражения политических требований⁴¹. В Китае в

эти годы велосипед

еще был знаком состоятельности семьи и солидным приданным перед свадьбой.

Проблема, обозначенная в романе «Над гнездом кукушки», – это, прежде всего, проблема ограниченного рационального знания. Главная проблема не

в диктатуре капитала, одноэтажной Америки или управлении Сталина, который заставляет всех делать скучную и тяжелую работу на заводе. Главная проблема в том, что рациональное знание и общественная организация не позволяют безболезненно встроить спонтанные человеческие мотивации в экономический процесс.

Пока что в развитых странах нашли гуманное решение – откупиться от таких людей пособиями по безработице и совокупным социальным велфером:

дети, живущие у родителей до 30 лет, вечные студенты, эксперименты с безусловным доходом и т.п.

Системный характер этого противоречия обозначен еще Фрейдом в книге

«Неудовлетворенность культурой»⁴². Спонтанные мотивации человека в духе

Мцыри в принципе не встраиваются в институты цивилизации, модерна – и

41 Hobsbawm, E. (1994). The Age of Extremes: The Short

Twentieth Century, 1914–1991. Vintage Books.

42 Freud, S. (2015). Civilization and its discontents. Broadview Press. Original: Freud, S. (1930). Das Unbehagen in der Kultur. Wien: Internationaler Psychoanalytischer Verlag.

поэтому человек всегда вынужден подавлять свои мотивы и быть не вполне счастливым.

По существу, в наше время, эта проблема не решилась, а только усугубилась. Экономика знаний, автоматизированные рабочие места предъявляют все более высокие требования к дисциплине, компетенциям, постоянному обновлению образования. Живые человеческие мотивы были даже более осуществимы, когда человек работал руками на природе.

Работа фермера или

строителя и сегодня остается более близкой к природе, живой и

разнообразной, чем, например, работа программиста или оператора промышленного оборудования.

Противоречие не решается по существу, а решается только вымещением все большего числа граждан из реальных трудящихся в зону распределения велфера.

В последнее время пафос протеста против дисциплинарных институтов превращен практически в главную идею неолиберализма. Если раньше осуждались дисциплинарные методы Сталина и Мао Цзэдуна, то сейчас тоталитарными считаются усилия уже любого корпоративного начальника.

Эта революция инфантильности, по существу, может оплачиваться только избытками велфера. А избытки велфера возникают вследствие накопленной эффективности самого же дисциплинарного общества. Пока адептов «секса, наркотиков и рок-н-ролла» меньше, чем традиционных трудящихся, эти

трудящиеся могут оплатить их неолиберальные ценности, чтобы не мешали работать.

Но поскольку инфантильность очень заманчива, и инфантилов становится все больше, то велфера начинает не хватать. Например, проблема

европейской пенсионной системы не только в том, что слишком много людей постарели, но и в том, что пенсии слишком высокие. Высокие они потому, что над европейским мышлением довлеет коммунистический императив – «каждому по потребностям». Хотя пенсионная система Европы в нынешнем виде неизбежно лопнет, это не мешает страстно обсуждать ее расширение в виде безусловного базового дохода.

В обсуждениях безусловного базового дохода допущена фундаментальная ошибка. Считается, что, раз автоматизированные производства могут

производить все больше благ, при этом все менее нуждаясь в труде – то вот как бы и наступил коммунизм. Теперь можно не работать, но при этом получать все блага.

На самом деле, во-первых, если нет платежеспособного спроса, нет мотивации производить. Во-вторых, за институтами и роботами стоят люди.

А как мы уже обсуждали выше, великие инквизиторы не умеют самовоспроизводиться. Из общества киберпанка может вырасти феодальная

элита киберпанка, но не высокообразованные, гуманистические, мотивированные руководители. И в-третьих, такое общество крайне уязвимо

к любой внешней и внутренней агрессии. Как говорит С.Е. Кургинян, «это общество ням-ням зарежет один волк».

Все это происходит уже сейчас: никакого профицита велфера для масс вся эта автоматизация промышленности не предлагает. Уровень жизни среднего класса в США и ЕС постепенно снижается.

Дефицит велфера, в котором так нуждаются инфантилы, может решаться только одним способом – наращиванием долгов. Рассогласование спроса и предложения, а также парадигма инфантильности, принятая за ценность, заставляет США и ЕС печатать деньги и наращивать долги.

Долговая пирамида безусловно рухнет и экономики США и ЕС придется

приводить в сбалансированное состояние на более низком уровне реальных доходов. Однако, это еще не решит проблемы выпущенного из бутылки

джина массовой инфантильности. При сетевой организации большинства современных институтов, не понятно, кто возьмет на себя задачи дисциплинирования общества, даже если власть этого захочет. Иерархические крупные корпорации охватывают не более 20% трудящихся в Европе и США. Сетевые же институты не могут решать задачи дисциплинирования, так как это системная задача воспитания, насаждения

единых социальных норм, длительного моделирования трудового поведения. А сетевые институты разобщены, каждый затрагивает какой-то один аспект жизни общества.

Именно это, а не экономические проблемы, обещает Европе и США довольно неприятное социальное будущее, все более похожее на антиутопии о киберпанке.

В этой главе мы затронули важнейшее противоречие современности. Это необходимость сочетать дисциплинарную функцию институтов и их открытый, инклюзивный характер.

Дисциплинарная функция, вместе с естественным монополистическим положением государственной власти, с очень высокой вероятностью порождает авторитарные и тоталитарные формы управления. Нам хорошо известно из истории многих стран, например, Германии и Италии после первой мировой войны, что общество само начинает требовать «твердой руки». Цивилизованное общество хорошо

чувствует дефицит дисциплины, порядка на макроуровне и требует его вернуть.

Но где тут грань перехода от дисциплины к авторитаризму? Либералы середины 20-го века, такие как Фридрих Хайек, требовали всячески

уменьшить роль государства, видя в его институтах неизбежный потенциал авторитаризма. И это было реализовано через серию либеральных реформ в Европе и США, а затем и в России. Но этот отказ от государственного регулирования привел к появлению перманентного хаоса, современного социального киберпанка, жидкого общества. И теперь это не совместимо со сложными технологиями и конкурентоспособностью на мировом рынке.

Необходимо искать инструменты, которые сохранят дисциплинирующую, цивилизующую роль институтов, и вместе с тем защитят их открытый, инклюзивный характер. В институты модерна должна быть встроена защита от превращения их в тоталитарные, закрытые институты. Как показал опыт последних десятилетий, демократии и разделения ветвей власти для этого недостаточно.

1.8 ИНСТИТУТЫ КАК СОЦИАЛЬНОЕ НАУЧЕНИЕ

Теорию социального научения связывают с именем Альберта Бандуры, опубликовавшего одноименную книгу в

1969 году⁴³ и в дальнейшем,

развивавшем теорию вместе с последователями. Основная идея состоит в том, что люди обучаются через копирование поведения других людей. Это давно и хорошо известно в педагогике. В частности, Антон Макаренко в

«Книге для родителей»⁴⁴ обращал внимание на то, что дети следуют не воспитательным указаниям родителей, а копируют их поведение, как есть.

Таким образом, общение между людьми выполняет как минимум две разные задачи. Одна задача – это передача информации, в том числе через формальное обучение. Другая задача общения – это взаимная настройка и копирование.

Первая задача, формальная передача информации, связана с интеллектом в обычном понимании (абстрактный, словесно-логический, и так далее).

Вторая задача связана с эмоциональным или социальным интеллектом. Эмоциональный или социальный интеллект, строго говоря, не является интеллектом в традиционном смысле. Он не является разумом в философском смысле, поскольку эмоциональное понимание и групповые формы поведения высоко развиты и у многих животных. Тогда как разумом обычно называют те особенности, которые как раз отличают людей от животных.

Хотя номинально при общении люди делятся информацией, в особенности в процессе образования, в действительности роль информации в моделировании поведения невелика.

Основная функция общения – копирование поведения, распределение ролей, настройка на «одну волну».

Фактически, роль информации в общении растет по мере роста уровня образования. Чем выше образование, тем больше человек воспринимает информацию, а не выполняет только социальное копирование или эмоциональную подстройку.

Поэтому, в частности, после удаленной работы во время эпидемии Ковид большинство компаний вынуждены были вернуть сотрудников в офисы, хотя

43 Bandura, A. (1969). Social-learning theory of identificatory processes. In D. A. Goslin (Ed.), Handbook of socialization theory and research (pp. 213-262). Rand McNally & Company.

Bandura, A. (1969). Principles of Behavior Modification. New York: Holt, Rinehart & Winston.

44 Makarenko A.S., Makarenko G.S. (1937). Book for parents. Moscow-Leningrad: Artistic Literature.

это не очень комфортно сотрудникам и дорого для самих компаний. Удаленная работа позволяла обмениваться информацией, однако выяснилось, что реальной коммуникации, славивания при этом не происходит. Это связано как раз с тем, что основная роль общения – социальное копирование, внушение, а не передача информации. Социальное

научение осуществляется при помощи эмоциональных сигналов, то есть так называемого эмоционального интеллекта.

Успешно работают удаленно только компании когнитивных отраслей, где высоко образованные профессионалы привыкли обучаться через информацию, а не через социальное копирование. Еще можно отметить компании, имеющие, наоборот, очень простые для исполнителей и точно формализованные процессы. В этом случае почти не нужно научение. Это относится к таксистам, курьерам и т.п.

Тема эмоционального интеллекта и группового поведения подробно изучена социальными биологами. Социальные биологи изучают коллективное поведение животных, например, обезьян, и выявляют много черт и паттернов их поведения, слишком похожих на человеческое групповое поведение. Эта тема рассмотрена, например, в книге Марка Эрлса «Стадо. Как изменить

массовое поведение, используя энергию подлинной человеческой природы»⁴⁵. Этой же теме посвящена известная книга Элиотта Аронсона

«Общественное животное»⁴⁶.

Приведу пример того, как две функции – передача информации и

взаимонастройка на уровне эмоциональных сигналов сосуществуют на практике. Когда вы пытаетесь объяснить сколь-либо сложную информацию

представителю молодого поколения, например, 20+ лет,

этот представитель обычно молчаливо кивает и соглашается, с умным видом. Позже выясняется,

что он не понял и не запомнил вообще ничего из того, о чем вы говорили. Однако, этот молодой человек в каком-то смысле понимал – в смысле

настройки на одну волну и распределения социальных ролей. Понимал, что в данном вопросе присутствует некая сложность; что вы берете на себя роль авторитета в этом вопросе; и ему проще и выгоднее будет с этой вашей ролью согласиться.

Эту модель понимания, состоящую из эклектичных обрывков информации и социального копирования Абраам Молль назвал мозаичной культурой. В книге «Социодинамика культуры» он пишет, что «знания складываются из разрозненных обрывков, связанных простыми, чисто случайными отношениями близости по времени усвоения, по созвучию или ассоциации идей. Эти обрывки не образуют структуры, но они обладают силой сцепления, которая не хуже старых логических связей придает «экрану

45 Earls, M. (2009). Herd: how to change mass behaviour by harnessing our true nature. John Wiley & Sons.

46 Elliot, A. (1972). The Social Animal. San Francisco: W.H. Freeman & Company.

знаний» определенную плотность, компактность, не мень-

шую, чем у

«тканеобразного» экрана гуманитарного образования»⁴⁷.

Чем более образованы люди, тем больше информации они могут воспринять и интерпретировать. Но большинство людей не обладают высоким уровнем знаний. Даже хорошо образованные люди в наше время – это чаще всего узкие специалисты, то есть не владеют знаниями в большинстве других дисциплин. Поэтому роль социального научения только возрастает, невзирая на, казалось бы, избытки доступной информации в медиа и интернете.

Отсюда возникает особая роль такого института, как социальные нормы,

поскольку именно они регулируют процессы социального научения.

Поскольку институты – это именно правила игры, формальные и неформальные, очевидно, что правила должны быть одинаковыми для всех. Например, законы Российской Федерации подробно записаны в десятке кодексов, каждый по тысяче страниц, и еще в бесчисленном множестве нормативных актов и регламентов. Разумеется, граждане не читали даже

тысячной доли этих норм, – хотя вроде бы эти нормы регулируют всю нашу

повседневную жизнь, общественный договор и правила игры. Даже

профессиональные юристы сегодня хорошо знают только

свою основную отрасль права, тогда как этих отраслей десятки.

Как же передать одинаковые правила всем членам общества, если информация не является доминирующим способом передачи правил игры?

Способ один – через общие для всех социальные нормы.

47 Moles, A. A. (1967). *Sociodynamics of Culture* (in the original: *Sociodynamique de la Culture*). Paris : Mouton.

1.9 ИНСТИТУТЫ КАК СОЦИАЛЬНЫЕ НОРМЫ

Институционалисты выделяют формальные институты – это законы и другие официальные и писанные нормы. И неформальные институты – неписанные устойчивые правила, «понятия», *common law*.

На практике же, для большинства населения, и формальные, и неформальные институты понимаются в той мере, в которой они выражены через «понятия», *common law*.

Понятия это и есть адаптация писанных законов и сложившихся практик, то есть всех институтов вместе, на уровень социального научения. Понятия передаются через копирование поведения, а не через интеллектуальный образовательный процесс. Поэтому самый необразованный и безграмотный крестьянин в Африке или уголовник в России знает правила своего социального слоя, хотя мог никогда ни-

чему не учиться.

Социальные нормы – это и исполняемые обществом на практике правила, и способ передачи знаний об институтах, путем взаимного копирования, социального научения.

Очевидно, что социальные нормы как способ обучения имеет очень ограниченные возможности. Возникает упрощение социальных норм – до уровня понятного всем, и до уровня, пригодного к копированию без понимания содержания. Поэтому, в частности, массовая мода и другие вкусы и нормы поведения равняются скорее на низкий, а не на средний уровень. Подобным образом, учитель вынужден ориентироваться на самых слабых учеников в классе.

Как уже отмечалось, это обусловлено единством социальной нормы для всех. Правила игры не могут исключить обширные нижние классы. В этом состоит важнейшая социальная проблема неравенства. При обширных бедных классах, все общество вынуждено ориентироваться на социальные нормы неблагополучных слоев населения. У нас еще недавно вся страна с

упоеанием пела песни уголовников – это и есть перенос социальных норм нижних классов на всех. В Юго-Восточной Азии дворцы богатых людей

соседей с лачугами бедняков. Но отгородившись забором, богачи не решают для себя и своих детей проблемы заразных болезней, преступности и наркомании. Конечно, богатые социальные страты в такой ситуации стараются по

возможности замкнуться в своей среде, но полностью сделать это невозможно. Пересечение социальных норм неизбежно возникает.

Поэтому формирование массового, преобладающего среднего класса, действительно, было благотворным социальным явлением на Западе. Он

распространил социальные нормы благополучного, зажиточного мещанства на все общество. В России, к счастью, мы во многом идем тем социальным

путем, который Европа и США проходили в 1950-80-е гг. И мы можем

наблюдать, как с ростом среднего класса поведение по всей стране в среднем стало благодушным, не агрессивным. Тогда как еще недавно, в 1990-е и 00-е

гг. бытовая агрессия была преобладающей нормой.

Часто тотальность социальных норм приписывают коллективизму, отсутствию демократии, авторитаризму. На самом деле тотальность социальных норм – это их естественное свойство, обусловленное задачей социального научения и координации в рамках единых для всех правил игры.

Социальные нормы тотальны и при авторитарных режимах, и при демократии. Большинство социальных норм, против которых восставали

гуманисты 19-го века – это социальные нормы общины, а не правила,

насажденные властью.

Дуглас Норт описывает пример Александра Гамильтона, одного из отцов-основателей США, который был вызван на дуэль. Гамильтон понимал, что

дуэль – это предрассудок и пережиток феодальной эпохи, и что просвещенный человек не должен себя подвергать такому риску. Тем не менее, он не мог отказаться от дуэли, поскольку это означало бы позор в рамках своей социальной страты (аристократии). На этой дуэли он был убит.

В 20-м веке в культуре уделено большое внимание диктатуре буржуазных социальных норм. Это, в частности, вся тема «одноэтажной Америки» -

тоталитарная мещанская добропорядочность, не терпящая отклонений от нормы.

В 19-м веке такой же тотальной в США и Европе была религиозная мораль, регулирующая правила бытового поведения – запрет на алкоголь, добрачные

связи, требование соблюдения церковных ритуалов и т.п. Все это тоже поддерживалась самими общинами.

В наше время в США жители одноэтажных улиц обязаны поддерживать стандарты внешнего облика дома и палисадника, убирать мусор – иначе получают значительные штрафы. Это саморегуляция общины, а не государственное принуждение. Аналогичным образом саморегулируются многие бизнесы в рамках отраслевых объединений, вступление в которые носит как бы добровольный характер (но невступ-

ление делает ведение бизнеса практически невозможным в этой отрасли).

Диктатура социальной нормы связана и с необходимостью обеспечить единое коллективное действие. Оптимизация, модернизация достигаются именно в процессе слаженного действия масс. Это коллективное действие не обязательно должно быть организовано иерархически – оно может быть организовано и сетевыми институтами, например, рыночной экономики. Но так или иначе, общество должно принять одни правила игры и двигаться в одном направлении. Или мы строим коммунизм, или капитализм. Если половина общества строит капитализм, а другая половина ведет против него

перманентную революцию, по Троцкому, – то возникает эффект «лебедя, рака и щуки». Что-то подобное и происходит сейчас в США и Европе.

Осуждаемая современными марксистами диктатура потребительского капитализма служит не только интересам капитала. Это и общественный договор о способе организации производства и потребления. Пошлая мода, реклама, навязчивые потребительские стандарты, – это способ обеспечить масштабы конвейерного производства. Которые, в свою очередь, удешевляют товары и дают нам всем рабочие места с хорошей зарплатой. Большинство протестов против этой модели носят инфантильный характер: оставьте все плюсы, но

уберите все минусы этой системы. Такого быть не может – и поэтому социальная норма подавляет эти протесты. Если вы хотите дальше получать американскую зарплату, то вы будете покупать третий автомобиль, брать вечную ипотеку на ненужный дом с бассейном, то есть исполнять правила игры.

Либералы, сторонники открытого общества, постоянно указывали на недостатки этих подавляющих социальных норм – даже если они насаждались самим же обществом, а не государством. Но, по существу, они не смогли предложить никаких рецептов для этой проблемы. Любимый рецепт либералов – уменьшить роль государства и усилить демократию. Однако, диктатура мещанских норм – это как раз демократический, рыночный, самоорганизованный процесс.

Общественный договор мог бы быть более диверсифицированным, гибким, если бы люди больше пользовались информацией и знанием, чем социальным копированием. Но большинство людей не способны понимать сложную информацию. А в наше время, с утратой практики регулярного чтения текстов, это неспособное к освоению знаний большинство стало стремительно приближаться к 99% населения. Работа со знаниями

превратилась в узкую специализацию тех, кому за это платят на основном рабочем месте. В этих условиях, тем более, нормы передаются через

социальное копирование, а не через сложные информационные конструкции. И поэтому современная социальная ор-

ганизация приобретает все более примитивные формы.

Значение социальной нормы и научения настолько велики, что они инкорпорируются в тело человека. Это концепция габитуса, разработанная

французским социологом Пьером Бурдьё⁴⁸. Будучи встроенными в тело,

социальные нормы формируют устойчивые модели поведения, эмоции,

влияют на высшие психические функции.

В исторические эпохи сословий разница в теле была очевидна. Этим антропологическим отличиям посвящено множество научных исследований.

Господа выглядят как утонченные аристократы, – они стройны, имеют тонкие

48 Bourdieu, P. (1977). *Outline of a Theory of Practice*. Cambridge University Press.

черты лица, тонкие кости, длинные пальцы. Крестьяне приземистые, ширококостные, с грубыми чертами лица.

Там, где сословия сохранились до сих пор – например, в Индии, некоторых странах Юго-Восточной Азии, эти отличия явно заметны и сейчас. В

современной южной Азии до сих пор заметна наследственная дистрофия у сельских жителей, как следствие голодавших поколений. А господа и сейчас

выглядят, как господа, как будто с фотографий 19-го века.

Мы и в России легко можем определить по силуэту – идет ли это духовно богатая барышня с высшим образованием или продавщица из магазина Красное и Белое.

Габитус подчеркивает тот факт, что социальные модели передаются путем

физического копирования, на телесном и эмоциональном уровне. Это дополнительно объясняет силу «эффекта колеи» – институциональной

ловушки инерции. Дворяне ведут себя как дворяне, даже когда дворянство уже отменено и высокие нравы уже не соответствуют времени – об этом

великие романы Булгакова «Белая гвардия» и «Бег». Рабочие и служащие продолжали работать в 1990-е гг. и при невыплатах зарплат, и при явном

разграблении предприятий новыми собственниками – потому что так еще были настроены советские люди и социальные нормы.

Уже в 19-м веке власть осознавала дисциплинирующую и подчиняющую

силу социальной нормы, поэтому вступала в прочный союз с церковью и поддерживала другие нормы и обычаи. В 20-м веке это переросло в

конструирование социальной нормы.

Именно в этом состоит, в частности, феномен массовой лояльности населения фашизму, готовности умирать за во-

жда и за явно губительную, черную идеологию. Эта лояльность достигалась именно за счет формирования социальной нормы, нормальности фашизма. Пропаганда это лишь часть поддержания социальной нормы. Все объяснения нацистских преступников впоследствии сводились именно к этому: человек просто делал свою работу, в рамках инструкций, общественного одобрения, в общем, как все.

Фашисты вообще себя считали моральными людьми, немецкое общество в

1930-40-е годы в целом было мещанско-добропорядочным. Это хорошо

показано, например, в романах Генриха Белля, который сам прошел вторую мировую войну в вермахте.

Эта проблема приобрела широкую известность, благодаря книге Ханны Арентдт «Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме»⁴⁹, посвященной судебному

процессу над высокопоставленным нацистским преступником Адольфом Эйхманом. Эйхман, один из ключевых организаторов геноцида евреев, Холокоста, вел себя как заурядный бюрократ, скучный обыватель, «винтик системы».

49 Arendt, H. (1963). *Eichmann in Jerusalem: A Report on the Banality of Evil*. Viking Press.

Не надо думать, что с победой над фашизмом общество преодолело конструирование властью социальных норм. На-

оборот, этот способ вдохновил политтехнологов и власти во всем мире, и на Западе особенно. Начались изощренные манипуляции сознанием. Эта тема подробно описана

в большой книге С.Г. Кара-Мурзы «Манипуляции сознанием» 50.

К счастью, как и в случае с фашизмом, большинство таких мрачных и античеловеческих технологий имеют тенденцию уничтожать себя сами, то есть пилить сук, на котором сидят. Немецкий фашизм в значительной степени сам способствовал своему разрушению, поскольку его античеловеческая идеология выпустила джина взаимной ненависти, войны всех против всех. Характерно, что на жизнь Гитлера было совершено более

20 покушений. Социальная динамика фашистской элиты, разгорание взаимной ненависти, показана в фильме «Гибель богов» Висконси.

Технологии манипуляций сознанием, в пределе, могли создать мир «1984»⁵¹ -

о чем Оруэлл и предупреждал еще в 1940-е годы, после войны. Но эти

технологии быстро уперлись в проблему конкуренции между собой.

Социальная норма как средство манипуляции обществом удобна, только пока она тотальна.

Когда сотни политтехнологов насаждают разные социальные нормы, а

наперегонки с ними за влияние на сознание борются еще рекламщики, возникает информационно-смысловой мусор, дезориентация, отторжение,

но не манипуляция массовым поведением.

В этом и состоит феномен социальных норм 21-го века – они существенно испорчены многочисленными политическими и рекламными

вмешательствами. Каждое из этих вмешательств не достигает своей цели взять под контроль формирование общей социальной нормы, но мешает сформировать рациональные и полезные нормы.

Распад медийного пространства на тысячи мелких аудиторий, эффект эхо-

камеры – это попытки взять под контроль хотя бы небольшую аудиторию.

Но претендентов на такой контроль слишком много, и никакого тотального внушения не получается.

В британском сериале «Черное зеркало» показаны примеры манипуляции массовым поведением через информационные воздействия. Такие

манипуляции срабатывают, как точечная провокация, обычно негативного,

разрушительного характера. Все это было реализовано и на практике – в ходе

цветных революций в ближневосточном регионе, для разжигания национальной или религиозной ненависти в других

регионах. Запускались реалистичные видео ролики, показывавшие будто бы убийства невинных мусульман / индуистов / национальных меньшинств. И в ответ на тщательно распространённый фейк начинались уже настоящие массовые погромы.

50 Kara-Murza, S. G. (2000). Manipulation of consciousness. Algorithm.

51 Orwell, G. (1949). Nineteen Eighty-Four. London: Secker & Warburg.

Такие методы работают – но они работают только как красная тряпка для быка – чтобы сделать гадость, разжечь конфликт. Макроуправлением это

назвать нельзя. Управление подразумевает моделирование созидательных массовых усилий. А злобные интриги все-таки остаются очень

второстепенной, хотя и неотъемлемой частью управления. В реальной жизни, может быть, и приятно нагадить всем соседям, но обычно это игра

типа проиграть-проиграть. Плохо в итоге станет всем. Разворачивание такой игры убедительно показано Джорджем Мартиным в «Игре престолов», особенно на примере Серсеи Ланнистер и Мизинца. Игра «обмани и

обворуй» хороша, только пока богатые соседи численно преобладают над ворами, и пока они еще не достаточно озло-

бились, чтобы начать воров вешать. Обычно такая игра заканчивается довольно быстро и с самыми плачевными результатами для воров.

Использование прежней репутации для обмана и хищничества довольно быстро вскрывается окружающими. Так произошло и с применяемыми западными властями технологиями манипуляции сознанием. В результате произошла дискредитация, обесценение социальных норм, в результате их конструирования и использования для манипуляций.

В свою очередь, эта дискредитация социальных норм лишила западные элиты инструментов управления массами. Как говорит в том же романе «Игра престолов» Варис, «власть – это обман, тень на стене. Властью обладает тот, кто убеждает в ней остальных».

Дискредитация политтехнологами сложных смыслов, ценностей вызвала падение социального саморегулирования на уровень самых простых

ориентиров, таких как личная выгода, комфорт. По-видимому, современный

культ денег и комфорта – это не только результат идеологии

потребительского капитализма. Это еще и вынужденная реакция общества на разрушение более сложных социальных и культурных норм.

Когда сложные измерения, метрики и символы все приватизированы политическими и рекламными технологами, и

продаются с каким-то

скрытым обманом внутри, среднему человеку остается доверять только своим самым базовым интересам. Личное чувство комфорта и количество денег в кошельке не обманет. Так возникают новые стихийные социальные нормы – часто гораздо более примитивные и вульгарные, чем в 20-м веке.

Хочу подчеркнуть – многообразие претендентов на внушение социальных норм не должно обманывать. Все они не имеют успеха. Люди не доверяют никому из них. По описанным выше причинам, социальные нормы должны быть едиными, унифицированными, понятными для всех.

Эти социальные нормы и формируются, теперь уже стихийно, это

ориентация на самые понятные выгоды – материальные, денежные, а также телесные (комфорт, удовольствия);
недоверие к власти и любым источникам информации;

попытка заменить большинство институтов на контракты, то есть торг по любому вопросу. Современный человек не понимает сложности институтов, а в социальной норме сложных культурных форм уже нет;

продолжают действовать и многочисленные разрозненные нормы, насаждаемые из разных источников. Это ведет к разобщению, потере единого языка, социальных свя-

зей, устойчивых идентичностей. Человек выбирает нормы по своему вкусу, но это ведет к десоциализации, в лучшем случае, к окулливанию в локальном сообществе.

Уже эти новые, стихийные социальные нормы сохраняют свою естественную черту – тотальность. Как уже отмечалось, тотальность не присвоена им властью или политтехнологами. Она следует из свойств коллективного действия, общественного договора и социального научения. Теперь это диктатура примитивных, некультурных социальных норм.

В 21-м веке Запад пришел к ситуации, когда социальные нормы продолжают программировать сознание и поведение и общества, и элит, по причине своей естественной тотальности. И при этом сами социальные нормы не программирует никто – это свалка неудачных политических технологий, экстерналий капитализма, постмодернистских экспериментов и прочего мусора.

1.10 ИНСТИТУТЫ КАК МЕТАКОГНИТИВНЫЕ РАМКИ

Метакогнитивными процессами называют «мышление о мышлении», то есть осознание предпосылок и способов мыслительных процессов. Автором метакогнитивной теории

считают американского психолога Джона Флавелла.

На русском языке эта тема разработана в книгах Марины Холодной²².

Связь между институтами и паттернами мышления обозначена уже классиками. Торстейн Веблен писал, что «институт – это привычка

мышления, закреплённая в коллективном поведении»⁵².

Когнитивный уровень мышления – это то что мы осознаём, то что требует осмысления в обычной жизни. Например, мы обдумываем профессиональные вопросы, принимаем экономические решения: сберегать или тратить, арендовать квартиру или взять ипотечный кредит, сменить профессию или повысить квалификацию в рамках имеющейся.

Метакогнитивные рамки – это то, о чем мы обычно не думаем в повседневной жизни, то что как бы «само собой», продумано и установлено учеными, властями и не подлежит сомнению. Это то, что земля круглая, что дважды два равно четыре, это законы физики, экономики и так далее.

Важнейшая роль институтов – соединение повседневной жизни человека с метакогнитивным уровнем. Обычный человек в принципе не может осмыслять метакогнитивные рамки. Теория физики установлена

соответствующими учеными, причем многими поколениями ученых. Обычный человек, даже если бы потратил всю свою жизнь, вряд ли смог бы эту теорию оспорить или что-то к этому добавить. Между тем,

метакогнитивная рамка теории должна присутствовать в жизни человека – этим, собственно, отличаются развитые цивилизованные общества от неразвитых и нецивилизованных. За внесение этих метакогнитивных рамок в повседневную жизнь отвечают институты.

Обычному человеку может быть совершенно не нужна культура, патриотизм или знания. Но к счастью, за это отвечают институты, а не обычный человек.

Многое из того, что мы считаем самым собой понимаемым, является когда-

то созданной концепцией. Например, концепцию истины связывают с

именем Сократа. Это базовая парадигма науки и рационального знания, но она не является «естественной», не образуется из бытового здравого смысла.

На бытовом уровне истинным сейчас считается то, что человеку комфортно.

52 Veblen, T. (1899). *The Theory of the Leisure Class: An Economic Study in the Evolution of Institutions*. New York: Macmillan.

Это же можно сказать про концепцию борьбы добра и зла, заложенную в христианстве. Мы в бытовом смысле определяем явления, как истинные или ложные; считаем что-то добром или злом, но все это было бы странно для

язычника, не знакомого с названными концепциями.

П.Г. Щедровицкий отмечает, что концепция личности и свободы воли сформировалась и была институционализована в римском праве, для того,

чтобы уравнивать стороны судебного процесса. Без презумпции равенства граждан и наличия у них свободной воли, гражданский судебный процесс

практически не имел бы смысла. Концепция свободы и равенства всех граждан – это еще более новая концепция эпохи модерна. Все эти заложенные в институты концепции образуют одновременно и метакогнитивные рамки мышления масс и элит.

К основным метакогнитивным рамкам относятся:

Способы мышления, научные парадигмы;

Цели и ценности. Мышление нельзя отделить от его целей; однако сами цели часто установлены до мышления, относятся к общественным или личным мотивациям, а не собственно к мыслительным процессам;

Аксиоматические знания, «само собой разумеющееся» знание,

эвристики;

Представление о том, какими областями незнания можно пренебречь.

Все обозначенные процессы оказывают большое, а возможно и решающее влияние на индивидуальное и коллективное мышление. При этом,

метакогнитивный уровень мышления редко осознается. По речи политиков и топ-менеджеров можно судить о том, что даже элиты редко осознают метакогнитивные рамки своего поведения^{53,54}.

В речи большинства руководителей и политиков можно наблюдать более высокий уровень культуры, эрудиции и аналитического мышления, чем у среднего пользователя социальных сетей. Но их отношение к своим метакогнитивным рамкам не сильно отличается от среднего гражданина.

В общем-то иначе и быть не может, потому что в противном случае они бы

перешли на нормы собственных метакогнитивных предпосылок. Тогда их

речь стала бы непонятной для большинства, или отталкивающей, поскольку в ней присутствовало бы явное несоблюдение общих социальных норм.

53 Kashkin, V., & Haladay, D. J. (2024). Automated text analysis methods to identify the individual structure of motivation for sports and a healthy lifestyle. In BIO Web of Conferences (Vol. 120, p. 01044). EDP Sciences.

54 Kashkin, V., & Tian, R. G. (2024). Determining Individual Intelligence Types and Cognitive Styles Using AI-Based Automated Text Analysis. *Journal of Information Systems Engineering and Management*, 10 (38s).

Метакогнитивные рамки воспринимаются как само собой разумеющиеся, как должное, как не требующие осмысления. В этом и состоит их особое влияние на поведение и мышление – они задают поведение человека и воспринимаются как абсолютно безусловные, не подлежащие не только пересмотру, но даже осознанию.

Только интеллектуалы, готовые провести большую работу, способны к осознанию своих мета-рамок. Это практически невозможно сделать на уровне здравого смысла, поскольку для распознавания мета-рамок, ценностей,

эвристик, парадигм – надо в принципе знать существующие парадигмы. А также понимать, какая каша образовалась в последнее время из постмодернистских, политтехнологических экспериментов над ценностями и парадигмами.

Для иллюстрации неосознаваемых метакогнитивных процессов приведем

подробную выдержку из статьи по результатам исследования известного российского (советского) психолога Александра Лурия (1974). Этот материал

подведет нас к пониманию связи институтов, когнитивных и метакогнитивных рамок и социальных норм:

«...Мы избрали местом своей работы отдаленные кишлаки и джайлау Узбекистана и частично горной Киргизии – пишет Лурия -

Испытуемым предлагался ряд цветовых оттенков (или геометрических фигур). Им следовало сначала назвать эти

оттенки (фигуры), затем классифицировать их, разбив на любое число групп, отнеся в каждую из групп похожие оценки (фигуры). В специальных опытах делались попытки получить «принудительную» группировку оттенков (фигур). Для этой цели испытуемым давалось задание либо разбить все предлагаемые оттенки (фигуры) на определенное число групп, либо оценить некую группу оттенков (фигур), составленную экспериментатором.

Как показали полученные данные, лишь наиболее культурно развитая группа испытуемых – студентки педагогического техникума называли геометрические фигуры категориальными названиями (круг, треугольник, квадрат и т. п.). Фигуры, изображенные дискретными элементами,

воспринимались ими как те же круги, треугольники, квадраты. Незаконченные фигуры расценивались как «что-то вроде круга», «что-то

вроде треугольника». Конкретные образные обозначения (линейка, метр) встречались лишь в единичных случаях.

Существенно иные результаты были получены у испытуемых других групп. Женщины ичкари (неграмотные крестьяне), как это и можно было предполагать, не дали ни одного категориального (геометрического) обозначения предложенных фигур. Все геометрические фигуры обозначались ими как названия предметов. Так, круг получал названия:

тарелка, сито, ведро, часы, месяц; треугольник – тумар (узбекский амулет); квадрат – зеркало, дверь, дом, доска, на которой сушат урюк.

Треугольник, изображенный крестами, трактовался как вышивка крестом,

корзинка, звезды; треугольник, изображенный маленькими полумесяцами, оценивался как золотой тумар или как ногти, какие-то буквы и т.д.

Незаконченный круг никогда не назывался кругом, но почти всегда браслетом или серьгой, а незаконченный треугольник воспринимался как тумар или стремя. Оценка абстрактных геометрических фигур у этой группы

испытываемых носила, таким образом, ярко выраженный конкретный, предметный характер, явно доминировавший над отвлеченно-

геометрическим восприятием формы.

Необразованные респонденты проявили совершенно другой подход к классификации фигур, по сравнению с людьми, которым абстрактные принципы классификации преподавались в школе.

Женщины ичкари, а также в значительной мере и мужчины дехкане воспринимали отдельные геометрические фигуры предметно. Такое предметное восприятие определяло характер классификации фигур. В одну группу собирались фигуры, воспринимавшиеся как одинаковые предметы; иногда группировка производилась по отдельным признакам (на-

пример, по цвету или по способу выполнения), т. е. сближались фигуры, которые оказывались сходными либо по своему предметному содержанию, либо по способу их выполнения. Поэтому квадрат (номер 12 на рисунке), оценивавшийся как окно, и длинный прямоугольник (номер 15), рассматривавшийся как линейка, в одну группу не попадали. Испытуемые отказывались их объединять даже после соответствующей наводящей беседы. Наоборот, если две фигуры, например квадрат и усеченный треугольник (номера 12 и 16), воспринимались как рамы («одна – хорошая, другая – покосившаяся»), они легко объединялись в одну группу». Конец цитаты из

статьи Александра Лурия⁵⁵.

Для современного человека вполне естественно назвать квадрат квадратом, мы делаем это, не задумываясь. Однако это происходит только потому, что

55 Luria, A. R. (1974). On the Historical Development of Cognitive Processes: An Experimental Psychological Study. Science.

Note: this description refers to his expeditions to Central Asia (1931–32), the results of which were published later. Preliminary results were published in 1934 in the journal Psychology. The full results were published in 1974.

мы получили геометрическое образование в школе (то

есть институциональное влияние) и знаем, что такое квадрат. Это превращается в нашу метакогнитивную рамку мышления, которая дальше присутствует как само собой, и таких рамок тысячи. Мы не будем в течении жизни задумываться над тем, действительно ли квадрат является квадратным и насколько такая схема правомерна.

Обыгрывая это, российский художник авангардист Каземир Малевич написал картину «Черный квадрат» (1915 год), которая всем известна, как обычный черный квадрат. Ирония состояла в том, что это не геометрически точный квадрат, а при его написании не использовалось черных красок. То есть черный квадрат на самом деле не черный и не квадрат. Черный квадрат Малевича, кроме прочего, это демонстрация условности и приближенности любых наших представлений о реальности, даже таких, которые кажутся самыми очевидными.

Даже то что мы видим «своими глазами» – это достроенная мозгом картина,

на основе участков, выхваченных с помощью движений зрачков. Отсюда

типичные ситуации, когда люди не замечают очевидных, но не укладывающихся в ожидаемую модель признаков. Так же точно работает и мышление – мы не столько воспринимаем информацию как есть, сколько додумываем на основе готовых метакогнитивных моделей.

Даниель Канеман особенно исследовал разницу между

быстрым мышлением,

когда решение надо принять быстро и медленным, аналитическим

мышлением. В первом случае используются эвристики, упрощенные и часто ошибочные готовые модели, что ведет к когнитивным искажениям. Во

втором случае человек мыслит более обстоятельно, – но и в этом случае

задействуются, по сути дела, готовые мыслительные модели, но более

высокого уровня. На бытовом уровне это хорошо заметно, когда, например, инженер на все вопросы жизни смотрит с технической точки зрения, экономист во всем вычисляет маржинальные затраты и оптимизирует рациональный выбор и так далее.

Метакогнитивные рамки нашего сознания в основном задаются институтами и социальными нормами. Одно из первых определений институтов, данных

Торстейном Вебленом, касается именно образа мышления: «Институт – это привычный образ мысли, руководствуясь которым живут люди» 56.

В качестве примера связи индивидуального интеллекта и социальной нормы, можно привести то, КАК учат человека мыслить. Под образованием может подразумеваться умение прочитать учебник и ответить на вопросы и решить задачи по предложенному алгоритму. А может подразумевать-

ся умение критически мыслить, рассмотреть разные точки зрения, сформулировать свое мнение. В ситуации деградации общественных институтов обучение

56 Veblen, T. (1899). *The Theory of the Leisure Class: An Economic Study in the Evolution of Institutions*. New York: Macmillan.

критическому и творческому мышлению встречается все реже. Все это слишком трудозатратно, неформализуемо. Гораздо проще и надежнее предложить всем выучить один учебник и ответить на стандартные вопросы теста.

При наличии такой неосознаваемой метакогнитивной рамки, образованный человек так и не начинает мыслить самостоятельно. Обычно при таком подходе не формируется и никакого интереса к знаниям. Но даже если в дальнейшем человек и должен расширять свои знания, обычно он продолжает относиться к ним в жанре «выучил – пересказал своими словами». Поэтому современные специалисты все реже могут самостоятельно

обнаружить связи между источниками знаний или сформулировать сколько-либо оригинальное собственное мнение.

Следующий тип метакогнитивных рамок – цели и ценности, – тоже задан институтами, а именно современным состоянием культуры, общественной

мысли, общественного договора и политических стратегий.

Аксиоматические, «само собой разумеющиеся» знания, как метакогнитивные рамки, – это результат современных научных парадигм. До Галилея и Коперника разумелось, что земля плоская и стоит на трех китах, а сейчас считается, что земля круглая. В обоих случаях мы полагаемся на научную парадигму и общественный консенсус в этом вопросе, а не перепроверяем собственноручно.

Аксиоматические знания основаны не только на научных парадигмах, но и на том, насколько коммуникация способна обеспечить единство парадигмы для всех членов общества. Альберт Молль отмечал, что современное образование происходит фактически за счет средств массовой

коммуникации. В условиях медийного шума, мусора, «эффекта эхо-камеры»

(то есть подбора источников информации с позиций индивидуального

комфорта) возникает поломка метакогнитивной рамки, связанной с аксиомами.

Мы все чаще встречаемся в повседневной жизни с совершенно абсурдными ситуациями, когда люди перестают руководствоваться здравым смыслом (в нашем понимании). Молодые люди переходят дорогу на красный свет, увлеченно читая свой телефон и не поднимая головы – потому что в их аксиомах не запечатлилась информация о том, что так де-

лать нельзя. Посетители зоопарка норовят сунуть руку в рот хищникам, потому что в мультфильмах они добрые, и тому подобное. Вопиющие нарушения законов и общественных норм все чаще сопровождаются потом вопросом: а что, это нельзя было делать?

В российском сериале «ЮЗЗ» было довольно удачно показано стирание грани между реальностью и компьютерной игрой, в восприятии молодежи. И то что эта неадекватность восприятия ведет к самым унылым и мрачным результатам – убийствам, тюрьме, наркотикам, в общем убогой жизни в состоянии деклассирования и киберпанка.

Само собой разумеющееся незнание – это еще более проблематичная часть метакогнитивного процесса. Обращаться с границами незнания – это сложная задача даже для ученых и профессиональных аналитиков. Наше рациональное знание о мире в принципе неполное. При принятии решений всегда есть риск, связанный с тем, что мы пренебрегли важными факторами

из-за того, что наша модель познания их «не видит».

Для обычных людей эти границы допустимого незнания определяются институтами. Собственно говоря, для обычного человека практически все происходящее – это одно сплошное незнание. Это обусловлено современными профессиональными специализациями, отсутствием чтения и интереса к интеллектуальному и целостному пониманию

происходящего.

В связи с этим возрастает роль «другого», кого-то, кто знает все целиком и

отвечает за все вместе. Обычно подразумевается, что это руководство, элиты,

в особенности политическое руководство.

Менеджеры действительно отвечают за синтез специализаций, в силу профессиональных обязанностей. Но это не означает, что они преодолевают проблему незнания. Управляющий так же не понимает основную часть происходящего, и не понимает границ этого незнания. И так же надеется, что возможно, это понимает кто-то другой.

Отсюда замечательная метафора черного лебедя, которая является заявлением от лица элит: мы не понимаем, почему все так происходит, и не понимаем, почему мы этого не понимаем.

В этом в значительной степени причина резкого падения стратегического уровня управления, замена стратегии на малые тактические, ситуативные шаги. Стратегия невозможна в ситуации, когда неясна картина в целом.

В замечательном рассказе Роберта Шекли «Миссия Квидака» некий инопланетный жук деятельно пытается захватить мир. Он мыслит только в практическом ключе: как именно расширить свою экспансию. Так и современные политические элиты Запада – они деятельно пытаются реализовать алгоритмы в своем сознании, не задаваясь вопросом,

что это за алгоритмы и кто их написал.

Институты, которые формируют метакогнитивные рамки, в настоящее время в основном не управляются, развиваются стихийно. Эта проблема даже не осознана в полной мере, поскольку западным политическим элитам присуще самолюбование. По официальной версии, дальновидные, аналитические и наполненные демократическими ценностями руководители все знают и все понимают. И только происки тоталитарных режимов, а также черные лебеди, мешают воплощению их стратегий.

На самом деле эти западные руководители не осознают собственных метакогнитивных рамок. И в особенности того, что рамки эти заданы институтами, а многие институты поломаны и двигаются в неизвестном направлении.

1.11 ПРОТИВОРЕЧИЯ ФУНКЦИЙ ИНСТИТУТОВ

В первой части мы подробно рассмотрели разные функции институтов. Исполнение институтами одновременно разных функций складывается исторически, естественным образом.

На уровне самых базовых и универсальных функций институтов мы можем видеть, что функции часто плохо сочетаются и противоречат друг другу.

Так, институты чаще всего определяют как «набор норм и правил», подчеркивая их алгоритмическую природу – но

в реальности институт это

всегда живая социотехническая система, социальный организм, что

отмечается социологами еще со времен Герберта Спенсера. Живая

социальная система не может не создавать противоречий с алгоритмами. Известные нам в жизни ситуации коррупции, «заблачивания», бюрократизации институтов – это преобладание собственных законов живой социальной системы над институциональными алгоритмами.

Институты оформляют общественный договор и одновременно выполняют дисциплинарную функцию. Это противоречие не укладывается в голове у избирателей – они выбирают себе хорошее начальство не для того, чтобы начальство их наказывало. Но начальство их наказывает, дрессирует и моделирует их поведение. Хитрость состоит не в том, что начальство обвело избирателей вокруг пальца, и под личиной демократического избранника спрятало сталинские усы. Парадокс в том, что это противоречие неизбежно заложено в самих функциях институтов. Выборы необходимы, потому что представительная демократия поддерживает и перезагружает общественный договор. Но и дисциплинарная функция власти необходима, потому что цивилизованное общество – это не договор вольных землевладельцев в прериях. Это обязанность каждого члена общества играть по сложным правилам цивилизованных институтов.

Эту проблему отмечал Джеймс Бьюкенен, автор теории общественного выбора, как «парадокс подчиненного»⁵⁷. Человек воспринимает себя

одновременно и участником процесса управления государством, и субъектом, которого принуждают соблюдать нормы поведения, которые он, возможно, и не выбирал.

57 Buchanan, J. M. (1975). *The Limits of Liberty: Between Anarchy and Leviathan*. Chicago: University of Chicago Press.

Противоречия функций денег

Рассмотрим сложности сочетания разных функций в рамках одного института на примере такого института, как деньги.

Из экономической теории мы знаем, что деньги несут в себе несколько разных функций:

Средство обращения – обеспечение обмена товаров и услуг;

Средство платежа – кредитная функция денег, распределение платежей во времени;

Мера стоимости – сигнальная система, помогающая

экономическим субъектам принимать рациональные решения;

благодаря этому ресурсы распределяются в экономике оптимальным образом, происходит рacionamento;

Средство сбережения и накопления.

На практике денежно-кредитная политика может также служить как инструмент модернизации и как инструмент решения социально-

экономических задач в стране. Так, «количественное смягчение» помогает сглаживанию кризисных социально-экономических явлений в США и ЕС.

Принудительная продажа валютной выручки, предоставление долгосрочного

дешевого кредита местным производителям, занижение обменного курса национальной валюты являются обычно денежно-кредитными механизмами

модернизации экономик в развивающихся странах.

Кейнсианское стимулирование спроса, за счет искусственного расширения денежного предложения – это давно известный инструмент сглаживания экономических циклов.

Можно заметить, что уже на уровне базовых функций денег возникают противоречия. Функция денег как средства обращения в некоторые периоды противоречит функции денег как средства сбережения стоимости. Обсуждаемая в экономике предельная норма сбережения и потребления, необходимость стимулировать потребительскую активность отражает как раз это противоречие. Деньги, например, золотые или просто надежная валюта могут выглядеть как очень привлекательный инструмент сбережения. Но тогда они изымаются из обращения, и это вызывает дефляцию. Искусствен-

ное «вкачивание» денег в обращение ведет к обесценению денег, использованных для сбережения и дискредитации их в этой роли.

Известный денежный эксперимент со свободными деньгами, фрайгельд, проведенный Сильвио Гезеллем в 1930-е годы в Австрии, предлагал

фактически облагать налогом слишком долгое хранение денег, то есть вынуждать к потреблению. На самом деле это не требует специальных условий, поскольку обычная инфляция и так облагает таким налогом держателей денег, особенно если инфляция превышает ставки по депозитам и облигациям.

Эффективные фондовые рынки обеспечивают высокую точность ценовой сигнальной системы и, таким образом, рационалирования ресурсов в

экономике. Торгуются и активы, и валюты. Однако, изменение цены валюты, в сущности, входит в противоречие с функцией валюты, как средства

отложенного платежа. Это хорошо известно специалистам внешней торговли. Мы заключаем договор на год вперед в фиксированной сумме в долларах, юанях или рублях. Через полгода курс валют меняется, и вся сделка становится убыточной для одной из сторон. Но отменить ее нельзя, так как обязательства взяты по договору. Существует инфраструктура хеджирования этих рисков, фьючерсных и форвардных

контрактов, но это стоит дополнительных денег и применимо далеко не ко всем товарам. Этот вид риска порожден не только нестабильностью валют развивающихся стран – но и противоречиями, заложенными в функции расчетного механизма изначально.

Когда на традиционные функции денег накладывается еще и модернизационная или регуляционная функция – все становится еще более запутанным.

Использование процентной ставки для регулирования экономики, например, ограничения инфляции, практически всегда порождает совокупность негативных экстерналий.

В каждом таком решении Банка России, популярные блогеры начинают искать коварный замысел, «кому это выгодно». Любое регулирование всегда

кому-то выгодно – и естественным рыночным путем, и в виде коррупции, и

даже экстерналии часто капитализируются с частной выгодой. Ситуация с

процентной ставкой на самом деле, прежде всего, связана с ограниченностью институциональных рычагов, которые доступны регулятору. Приходится пользоваться тем, что есть. Манипуляции одной функцией денег ведут к перекосам и дисбалансам в остальных функциях денег – но так уж устроен этот институт.

В этом смысле прав Джеймс Скотт (книга «Благими намерениями государства») – государственное вмешательство

часто приносит сначала видимый положительный эффект, а затем возникает совокупность отложенных негативных эффектов гораздо большего масштаба.

Противоречия функций государства

Поговорим о противоречиях функций на примере института государственной власти и управления.

Многие авторы пытались выявить какую-то истинную, доминирующую роль

государства. Либо это общественный договор, либо управление насилием

(«стационарный бандит»), либо источник демократии и просвещения. Такие попытки, на мой взгляд, отражают метакогнитивную презумпцию

однофакторности, поиск одного объяснения, которое, как золотой ключик в сказке, откроет все двери.

Большинство крупных институтов совмещает одновременно много функций, одновременно служат разным, часто противоречивым целям. Государственные институты существуют веками и постепенно обрастают новыми функциями. Это тем более происходит, поскольку государственные институты монопольны, и большинство порождаемых прогрессом новых общественных и макроуправленческих задач просто некому больше делегировать. Даже если эти новые задачи не совсем похожи на первичные исторические функции

государственных институтов.

Фактически, сегодня государство совмещает несколько ролей, причем совершенно разных. Во-первых, это роль самозащиты крупнейшего

капитала и элит вообще. Капиталистическое государство сохраняет роль

«железной пяты» – но не столько в смысле принуждения и эксплуатации,

которая сейчас не является основным фактором извлечения прибыли в

развитых странах – а в смысле защиты прав собственности элит на крупный капитал. Такая защита собственности невозможна без контроля ключевых институтов власти. Это касается и внутренней безопасности, и внешней – собственность надо защищать и от внутренних конкурентов, и от внешних врагов.

В этом смысле интересы и методы современных элит не сильно отличаются от интересов и методов королей и аристократии прежних веков. Крупную собственность контролирует элитное сословие, передающее ее по наследству и через систему родственных связей. Это же элитное сословие контролирует верхние и средние слои государственной бюрократии, полиции, армии и спецслужб. Чаще всего эти чиновники верхнего уровня интегрированы в элитное сословие через родственные и другие тесные связи. Все это известно по исследованиям социологии власти в США и выявлению

цепочек собственности, ведущим к нескольким сотням основных семей. Обзор этих

исследований представлен далее, в четвертой части книги.

Вторая роль государства – поддержание и оформление общественного договора. Современное общество намного сложнее, чем во времена Гоббса и Локка, впервые привлечших внимание к значению общественного договора как способа остановить «войну всех против всех». Однако, эта роль общественного договора остается фундаментом для более сложных институтов. Когда начинается кризис базового общественного договора, как это происходит сейчас в США и ЕС, то институты более высокого уровня – демократия, право, представительство – начинают давать сбои. В пределе, как

это происходило на Украине и в ряде ближневосточных стран в 2010-е гг.,

пересмотр или невыполнение негласного общественного договора ведет к

началу гражданской войны, то есть классической войны всех против всех, по Гоббсу.

Несмотря на то, что элиты – держатели крупного капитала, теоретически могли бы насаждать свою власть «железной пятой», фашистскими методами – в наше время это не является преобладающим способом управления. Из эконо-

мической теории мы знаем, что монополия устанавливает не самую высокую цену, а цену, оптимизирующую прибыль. Обычно это подразумевает ориентацию на реальную кривую спроса, то есть требует от монополии установить скорее низкие цены, чем высокие, чтобы максимально охватить спрос.

Это же можно сказать и про монопольную роль элит. Элиты не хотят нарушать общественный договор, явно выступать против интересов большинства населения – поскольку население найдет способы сопротивления этому. Как говорят американцы, танго танцуют вдвоем.

Элитам выгоднее учесть интересы населения, чем принуждать. Принуждение стоит слишком дорого, и оно ненадежно. Опыт фашизма в Германии и других странах показал, что злоупотребление монополией на власть ведет к разрушительным последствиям для самих же элит. В этом основной секрет приверженности демократии – и надо признать, пока демократия не превращена в фейк и спектакль, в основном она полезна и разумна.

Тем не менее, уже эта вторая функция государства – поддержание общественного договора, по существу, вступает в противоречие с первой – удержанием монопольного контроля над капиталом и государственным аппаратом. Частью общественного договора являются институты демократии, поскольку без этого невозможно поддерживать общественный договор с участием сотен миллионов людей. Но в рамках демократии очень трудно объяснить гражданам, почему неко-

которые ключевые вопросы выведены за пределы общественного договора. Граждане могут обсуждать вопросы муниципального хозяйства и даже выбирать личность президента, но не могут ставить под сомнение властную монополию крупного капитала.

Внутренний механизм «цветных революций» состоит как раз в том, чтобы дать гражданам внешнюю помощь для сопротивления местной олигархии – и граждане часто с большим энтузиазмом готовы ее снести.

Следующая роль государства, почти никак не связана с двумя предыдущими. Это обеспечение единства большой экономической системы и эффекта масштаба.

Это видно на примере естественных монополий, которые при попытках дробления настолько теряют эффективность, что проще оказывается смириться с их монопольным положением. Естественными монополиями являются обычно энергосистемы, железные дороги, государственный пенсионный фонд и т.п.

На примере естественных монополий понятно, что основной фактор их

эффективности – это эффект масштаба. Это относится к большинству государственных институтов, особенно в странах с большой территорией.

Экономическая связность государства, эффект масштаба обеспечивает

дополнительную выгоду для всех участников. Это большой единый рынок, возможность углубления отраслевых и технических специализаций. Это обеспечивает возможность очень крупных инвестиционных проектов, долгосрочных вложений в Research & Development и инновации, которые не окупаются при меньших масштабах.

Успехи Китая последних десятилетий, в частности, связаны с обеспечением единства языка, законодательства, образования и других единых стандартов на всей территории. Тогда как, например, в Индии многие из этих проблем остаются нерешенными до сих пор: штаты имеют собственные законы, осуществляют протекционизм, велика роль местных диалектов, образование по факту доступно не для всех и т.д.

Эта роль государства в наибольшей степени является модернизационной. Прогресс порождает все более сложные институты, основанные на научных рациональных знаниях. Управление макроуровня (включая управляемые механизмы сетевого саморегулирования) это одно из самых значительных достижений прогресса. Именно развитие сложных институтов, их согласование в рамках крупнейших экономических субъектов, таких как США, Китай и ЕС, обеспечивает их принципиальное превосходство над остальным миром.

И эта важнейшая современная роль государства плохо сочетается с предыдущими двумя функциями. Для граждан макроуровень управления не понятен, так как он основан на научной картине экономики и общества, основан на данных,

математическом моделировании и прогнозировании, и не сводится к здравому смыслу. В большой степени это и породило политику спектакля – как попытка элит упростить политику для понимания граждан, свести ее на бытовой уровень, уровень телешоу.

Политика спектакля, может быть, и развлекает избирателя, но не имеет практически никакого отношения к реальным проблемам управления. Потому что объяснить их ненаучным языком, в стиле стенд-ап комеди

невозможно. Всеобщая критика неадекватности европейских и американских президентов в последнее время имеет отношение именно к этой институциональной проблеме – реальные проблемы управления слишком далеко ушли от стиля спектакля. Клоуны перестали быть смешными и раздражают зрителей. Избиратели чувствуют, что их обманывают, но не понимают, в чем именно.

Сложность макроуправления ничуть не лучше согласуется с монополией элит на власть и капитал. Эта сословная монополия имеет самую дремучую, архаичную природу. В социологическом ракурсе, это та же монополия, которая была у патрициев в Древнем Риме, рабовладельцев в США, феодалов в Европе или мафиозных структур в наше время. Книга Хазина и Щеглова «Лестница в небо» совершенно справедливо подчеркивает эту

мафиозную социологию власти («к власти рвутся бандами» – пишет Хазин).

Это примитивные родственные и сословные критерии: свой – не свой, передача капиталов и власти по наследству и родственным связям, невзирая на личные способности. Именно эта дремучая социальная организация элит порождает современный мировой кризис и войны. Так же, как выродившиеся, но еще остававшиеся у власти старые элиты инициировали две мировые войны в 20-м веке, пытаясь силой удержать свою монополию на власть.

Основными противниками внедрения современных методов управления, полноценного перехода к экономике знаний являются именно эти элиты – причем независимо от того, называют они себя консерваторами или либералами. Их архаичность обусловлена их реальными интересами – удержания монополии на власть у себя, своих детей и родственников, любой ценой. Одновременно с этим мировая конкуренция, экономический спад на

Западе, который вызван такими методами управления, заставляет эти элиты все-таки иногда пускать во власть «молодых технократов».

Следующая роль государства – это оператор общественных благ.

И в силу известных проблем общественных благ (трагедия общин, проблема безбилетника), и по причине эффекта масштаба, управление коллективными благами лучше всего

осуществлять централизованно. Невзирая на либеральную идеологию, западные государства держат в своих руках самые крупные общественные фонды в мире.

Государство имеет безусловную монополию на институты порядка и безопасности – полицию, армию, госбезопасность. И не только потому, что это инструменты удержания власти, но и потому что это услуги общественной безопасности. Частные армии, конечно, существуют. Но если каждый регион, муниципалитет или корпорация будет иметь частную армию, то само единое государство перестанет существовать.

Строго говоря, общество может управлять общественными благами и без государства. Фонды пенсионного, медицинского и социального страхования могут оплачиваться и напрямую или корпорациями из зарплат трудящихся. Муниципалитеты могут взимать налоги с жителей и направлять их на благоустройство.

Но это, во-первых, вступает в конфликт с указанной выше задачей государства по обеспечению единых стандартов и единого социально-экономического пространства. Во-вторых, подобное саморегулирование

носит слишком либертарианский характер. При либертарианских подходах возникает колоссальное неравенство. Если трудящиеся могут оплатить свои страховки, то за безработных, инвалидов, многодетные семьи и прочие проблемные категории не будет заплачено нисколько.

Для развития экономики нужен качественный челове-

ский капитал. При диком капитализме такой человеческий капитал не образуется. Бесплатное предоставление социальных благ – образования, медицины, безопасности,

иногда даже гарантированного жилья – это вопрос воспроизводства качественного человеческого капитала в масштабах всей страны.

На уровне местного саморегулирования это не очевидно. На уровне низового саморегулирования вообще рациональные закономерности макроуровня выглядят странно и противостоительно. Как писал Даниель Канеман, многие

статистические и математические закономерности выглядят контр-

интуитивно, то есть противоречат бытовому здравому смыслу. Самый

известный пример – это очевидность того, что солнце крутится вокруг Земли, поскольку каждый вечер оно закатывается за горизонт.

Государство фактически вынуждено становиться оператором общественных благ, поскольку управление современными социально-экономическими

процессами требует научного подхода, высокой квалификации и анализа больших данных. И способности реализовать решения на практике, невзирая

на локальные протесты антиглобалистов, социалистов и анти-социалистов.

В управлении общественными благами, как и во всей постиндустриальной экономике, на второе место отходит вопрос количества самих благ, а на первое место выходит вопрос качества управления и квалификации управляющих. Никакое местное сообщество не способно обеспечить работу с большими данными и научное понимание социологии и экономики в масштабах всей страны. И тем более добиться внедрения решений, основанных на этих методах.

Вопрос о количестве общественных благ действительно отходит на второй план. Раньше можно было сказать, что это короткое одеяло, состоящее из налогов, которыми капитал или делится с обществом – или оставляет у себя в виде прибыли.

Сегодня общественные блага понимаются не только как собранные налоги, но и как совокупный профицит производителей и потребителей.

Возможность усилить профицит потребителя, например, в два раза, является

более ценной, чем возможность увеличить сбор налогов на 20%. Умение

обеспечить экономический рост, за счет компетенций управляющих, больше принесет денег в карманы граждан, чем налоговые реформы. Налоговые реформы в последнее время меняют только состав выгодоприобретателей, не меняя суммарное количество общественных благ.

Эта ситуация демонстрирует, что реальные проблемы

управления общественными благами в масштабах государства, опять же существенно отличаются от бытового понимания граждан. Хотя именно эти граждане и есть налогоплательщики, которые оплачивают фонды общественных благ, и хотят влиять на их распределение.

Для элит управление общественными благами – это вынужденная задача. Саморегулирование порождает слишком много проблем и негативных экстерналий для государства и экономики в целом. Как любая вынужденная задача, управление общественными благами осуществляется неохотно. Эта задача ставится на третье место после собственных интересов элит. На

зарплатах исполнителей экономят, и чиновники-исполнители сами

мотивируют себя к этой общественной работе, по мере сил.

Итак, мы видим, что противоречия функций институтов – это часто результат самой природы институтов, а не следствие плохого управления или подавления демократии.

Функции институтов могут достичь взаимного согласования, когда длительное время экономика и общество действуют в рамках одного уклада. Но современный темп перемен в экономике и технологиях такой возможности не предоставляет. В последние десятилетия инновации и глобализация непрерывно революционизируют социальный уклад и инсти-

туты. Это не позволяет полагаться на инерционную модель, когда институты могут «устояться», адаптироваться к переменам и самостоятельно выполнить согласование. Необходимы механизмы адаптации макроуправления – которых на сегодняшний день на Западе нет.

Часть 2

УСТРОЙСТВО И ТИПЫ ИНСТИТУТОВ

2.1 СЕТЕВЫЕ ИНСТИТУТЫ И ВОССТАНИЕ МАСС

Распространение сетевых институтов

Остановимся подробнее на теме сетевых институтов, поскольку они получили особое развитие в последние десятилетия. И на сегодняшний день преобладают на Западе.

Сетевые институты – это институты без выраженного ядра, без вертикали власти. Это рыночная экономика, малые и средние бизнесы и их потребители. Это законодательство. Это интернет и социальные сети. Это такие институты, как язык, культура, религия.

Сетевые институты могут иметь ядро-корпорацию в своем центре, которое намного меньше, чем сетевой охват института. Например, это министерство

юстиции по отношению ко всей массе законов, католическая церковь по отношению к миллиарду своих прихожан и тому подобное.

Иерархическими институтами я называю те, где корпорация представляет основную часть деятельности института, как многие институты государственной власти, например армия или полиция, и как крупные бизнес-корпорации.

Соотношение сил между сетевыми и иерархическими институтами было разным в разные периоды истории. Самоорганизация через сетевые институты регулировала жизнь обществ без сильной государственной власти – например, во многих древних обществах или в тех местах, куда не дотягивалась власть иерархических государств, как на территории Северной Америки в начале ее заселения европейцами.

Эпоха модерна вызвала усиление вертикальных структур государства. Это позволило европейским странам распространить колониальное влияние

практически на весь мир. В 20-м веке иерархические структуры ведущих

государств достигли своего пика, устроив две мировые войны – самые

крупные в истории человечества по масштабу жертв.

Масштаб этих жертв, ужас перед мощью вертикальных институтов, получивших еще и ядерное оружие после второй мировой войны, породил либеральную идеологию протеста против тотальных государств. Знаковыми для послевоенного периода стали, в частности, работы Карла Поппера и Фридриха Хайека.

Гуманистическая идеология открытого общества, либерализации совпала по времени с массовым подъемом среднего класса на Западе. Этот подъем был

связан с удешевлением промышленного производства и развитием экономики народного потребления. Это вызвало и массовое развитие малого и среднего бизнеса на Западе.

В связи с этим Дуглас Норт обратил внимание на резкий рост числа экономических трансакций в 1980-е гг. Эти трансакции имели в основном

горизонтальный характер. То есть, раньше человек участвовал в ограниченном количестве отношений – в основном вертикальных, иерархических. Сейчас человек вступает во множество горизонтальных, сетевых отношений, связанных как с трудом / наймом / сделками, так и с потреблением. Инфраструктура потребления товаров и услуг также выросла

на порядки по сравнению с 20-м веком. Выросла мобильность, и в смысле

доступности транспорта, возможностей смены места жительства и работы, и

в смысле доступа к товарам и услугам онлайн.

Таким образом, сейчас основной тип взаимодействий и для людей, и для компаний – это горизонтальные отношения друг с другом, тогда как отношения вертикального подчинения затрагивают гораздо меньшую (чем в 20-м веке) часть трансакций.

К 1970-90 гг. на Западе сформировалась сетевая экономика, в которой

основная часть трансакций происходит между потребителями и малыми и

средними бизнесами, без прямого вовлечения крупных корпораций или государственных структур. Это стало возможным благодаря эффективным правовым институтам, которые также позволяют регулировать отношения на сетевом уровне.

Сетевая модель управления подразумевает, что субъекты (и люди, и бизнесы) управляются не напрямую, иерархически, а институционально, будучи помещенными в правовые и регуляционные рамки.

Самый характерный тип сетевого управления – это невидимая рука рынка, рыночная экономика. На Западе рыночная экономика характеризуется высочайшей степенью институционализации, то есть регламентацией прав и обязанностей участников. Тем не менее, в этих регламентах нет плана как такового, то есть не указывается (по крайней мере, малому и среднему бизнесу), что именно ему производить и в каком количестве, сколько людей нанимать и какие устанавливать цены. Это определяется в ходе конкуренции, проб и ошибок, инновационных и инвестиционных усилий предприятий. Это и есть сетевое управление на уровне экономики.

Аналогично повседневная жизнь граждан управляется, в

первую очередь, именно сетевым образом. Гражданские права и обязанности прописаны на Западе чрезвычайно детально в каждом аспекте деятельности человека. Это часто называют «дисциплинарным» обществом. Однако, в большинстве случаев действительно нет прямого указания целей или плана деятельности для граждан. В рамках регуляционной матрицы граждане действуют более или менее свободно.

Метод сетевого управления, очевидно, был неизбежен в связи с ростом сложности управления и резким ростом количества управляемых субъектов и

операций со второй половины 20-го века. В этот период на Западе

произошел массовый рост среднего класса и связанный со спросом этого

среднего класса массовый рост малого и среднего бизнеса. Численность бизнесов выросла на порядок. Хотя численность населения не увеличилась радикально, но каждый представитель среднего класса совершает в сотню раз больше экономических, хозяйственных и административных операций за год, чем его предшественник – бедный крестьянин или пролетарий начала

20-го века. Метод сетевого управления обеспечил успешное развитие ряда

стран в условиях рыночной экономики и демократии.

Преимущественно сетевая модель экономики обусловила

десятилетия экономического роста в США и Европе, сопровождаемое ростом качества жизни и благосостояния домохозяйств. Либеральные реформы, например, Маргарет Тэтчер в Великобритании, были связаны с высвобождением трудовых и прочих ресурсов для растущих секторов сетевой экономики.

СССР радикально отстал от Запада в росте экономики и уровня жизни именно на этом этапе. Раньше, в классический индустриальный период, в эпоху власти крупных корпораций и мировых войн, плановая экономика СССР опережала Запад по темпам роста.

В 2000-е годы всемирная интернет-революция еще больше усилила роль

сетевых институтов, поскольку добавила в них последнее недостающее звено

– сетевую коммуникацию. До этого малые бизнесы и потребители вынуждены были прибегать к организующей и связующей роли более крупных структур – например, крупных торговых сетей, таких как Воллмарт. С развитием интернета и эта проблема была решена, и огромная часть экономики была переведена фактически полностью в сетевой формат.

Социальные сети и интернет стали прорывом в области сетевой организации общества и экономики. Раньше крупные корпорации и институты обеспечивали сотрудничество и коммуникацию. С развитием социальных сетей и поиско-

виков это стало возможным на горизонтальном уровне.

Например, раньше малый бизнес мог продать свои товары только через розничную или оптовую сеть – обычно достаточно крупную, поскольку для сетей важен эффект масштаба. Сейчас же малый бизнес может продавать свои товары и услуги напрямую через интернет, даже потребителям на зарубежном рынке.

Романтические отношения мужчин и женщин раньше требовали централизованной организации – чтобы они работали вместе или где-то

рядом проводили культурный досуг. Это создавало зависимость от

локализации и более крупных институтов – таких как учреждения культуры, парки, клубы и так далее. С развитием онлайн-знакомств потребность в такой

организации снизилась – теперь знакомства осуществляются на уровне P2P, человек с человеком.

Сетевая организация жизни общества на Западе приобрела целостную модель, включающую:

сетевую организацию рыночной экономики;

сетевые права – отношения в каждом конкретном случае регулируются нормами и законами, но редко требуют прямых обращений к иерархическим органам власти;

и сетевую коммуникацию – когда продавцы и покупатели, сотрудники и работодатели, мужья и жены, могут находить

друг друга в социальных сетях и договариваться о взаимодействии в очень локальных форматах, не нуждаясь в помощи крупных организаций.

Сегодня жизнь типичного человека на Западе протекает в основном в форматах, заданных сетевыми, а не иерархическими формами организации. Иерархическими остается только работа в крупных и средних корпорациях – но их доля в занятости на Западе составляет менее 50% от трудовых ресурсов и менее 25% от населения в целом. Для этих 25% они охватывают только рабочее время. Доля занятых в крупных корпорациях продолжает снижаться, поскольку автоматизация, то есть сокращение рабочих мест, происходит, прежде всего, в крупных корпорациях. А создание новых рабочих мест в постиндустриальной экономике происходит в основном на сетевом уровне – в малом и среднем бизнесе, а также на уровне фриланса и самозанятости.

Децентрализация управления – это еще и вынужденный процесс. Слишком большие и сложные системы порождают неуправляемые эффекты, перестают согласовываться. Именно это произошло с поздним СССР – а Запад отсрочил наступление подобных проблем своевременным сбросом основной части экономики на сетевой уровень самоорганизации. В четвертой части книги я подробно обсуждаю эту фундаментальную проблему институтов – кризис в результате переусложнения.

Российский философ Александр Зиновьев еще в 1980-е

гг. указывал на этот

эффект усложнения управляемого объекта (СССР) и несоответствие

возможностей управления. Он писал, что СССР критикуют за рост числа чиновников, а на самом деле нужно увеличивать их численность для управления транзакциями, выросшими на порядки. Действительно, чиновников в РСФСР было меньше, чем в современной России – хотя сейчас значительная часть управления передана еще и на сетевой уровень.

Но увеличение численности чиновников и могущества планирования все-

таки вряд ли дало бы результат в тех условиях. Требовалось не только

увеличение числа администраторов, но и применение новых методов управления. Перестройка как переход к децентрализации, сетевым институтам была адекватной реакцией на те вызовы – по крайней мере, по замыслу.

Дальнейшее падение СССР на фоне развития демократии и рыночной экономики принято связывать с интригами США, слабостью поздней

коммунистической власти и т.д. На самом деле из этого опыта следовало бы извлечь определенный урок именно институционального характера.

Сетевые институты порождают либертарианский характер

общественных отношений, хотя номинально они могут существовать в

рамках сильных и социально-ориентированных государств. Но сетевые

институты создают свою общественную реальность – и это реальность

либертарианская. В следующей главе я раскрою подробнее этот тезис на примере хронического недофинансирования общественных благ, характерного именно для либертарианского уклада.

Этот общественный уклад обладает довольно опасной силой и

самоорганизацией. Говоря проще, это сильные и хищные бизнесы, в отличие от структур социально-ориентированных государств. С развитием сетевых

институтов рыночной экономики в СССР сразу подняли голову мафиозные структуры, да и просто обнаружился пресловутый «звериный оскал капитализма». Именно это обусловило дальнейший хищнический характер приватизации.

Будучи выпущенными на волю, либертарианские структуры, с одной стороны, способны к плодотворной самоорганизации (рука рынка, развитие

бизнесов), но с другой стороны, это происходит попутно с резким

недофинансированием или проеданием общественных благ.

Либерализация на Западе выглядела до недавних пор более управляемой, чем советская перестройка, – но это связано с большей инерцией, мощностью и эффективностью государственных и общественных институтов США и ЕС.

Выпущенный джин сетевой, либертарианской организации общества и экономики начал формировать в последние десятилетия новую реальность. Эта реальность порождает свои силы, которые наступают на старый уклад и способы управления.

Тут западные элиты попали в ловушку собственной пропаганды, включенной в учебники. Нынешнее поколение западных элит выросло на идеях открытого общества Карла Поппера и либерализма Фридриха Хайека. Эти авторы представляли демократию и либерализацию как основу гуманистических ценностей.

Не рой другому яму – сам в нее попадешь, гласит русская пословица. Запад успешно добил СССР с помощью многообещающих преимуществ демократии и рыночной экономики. Теперь эти сетевые институты обратились против самого Запада, во всяком случае против его действующих элит и остатков иерархической организации государств.

Недостатки сетевых институтов

Вымещение большинства граждан в сетевую модель общества и экономической деятельности произошло по вполне

объективным причинам. Это вымещение вполне добровольное. В эпоху высокого благосостояния на Западе граждане как раз стремятся к формам «текучей современности» больше, чем к работе в огромных корпорациях, где надо приходиться на работу к 8 утра, и предоставляется оплачиваемый, но короткий отпуск. Работа в корпорациях требует также проживания десятилетиями на одном месте. Опыт Ковида показал, что работники очень охотно переключились на удаленную работу дома, и в основном неохотно возвращались в офис.

Сетевая модель имеет много плюсов, но имеет и свои минусы.

Первая проблема – это утрата связи людей с институтами, которые передают коллективный интеллект, дисциплинируют и рационализируют

поведение. Не нужно глубоких исследований, чтобы заметить, что по сравнению с концом 20-го века поведение среднего современного человека

стало гораздо более самодурским и безответственным.

Вторая проблема – это дезориентация граждан. Старые иерархические институты и корпорации, хоть и создавали массу неудобств, требуя приходить на работу к шести утра в трезвом состоянии, но определяли понятные ориентиры развития, социальные лифты, цели и ценности. Основной социальный лифт состоял в добросовестном труде на благо корпорации, что позволяло сделать карьеру или, по крайней мере,

ре, заслужить уважение. Смысл состоял в содействии прогрессу и обществу, путем выпуска полезной продукции: «что хорошо для Дженерал Моторс, хорошо и для Америки». Повышение квалификации способствовало карьере.

В сетевой модели нет надежных ориентиров. Малый бизнес и раньше работал в условиях высочайшей конкуренции, а сегодня это совершенная конкуренция на большинстве рынков, за счет маркетплейсов. Как известно из экономической теории, в условиях совершенной конкуренции постепенно прибыль всех производителей приближается к нулю. На практике долгосрочно выигрывают только те малые бизнесы, которые создали особую рыночную нишу (а это достижимо не часто) или совмещают бизнес с samozанятостью и, таким образом, оптимизируют свой индивидуальный доход.

Сетевая экономика порождает тысячи хайпов, как поле чудес. Хайпы кратковременны, никакой системы в них нет (или она очевидна только аналитикам больших данных из крупных корпораций). Создать с нуля устойчивый малый бизнес почти невозможно – в силу законов совершенной конкуренции. Не делая карьеры в одной корпорации, не находясь на одном месте, у человека не возникает и возможности использовать корпоративные цели и социальные лифты. Все это описано британским социологом

Зигмунтом Бауманом в известной книге «Текучая совре-

менность» (иногда переводят, как жидкая современность (liquid) – это точнее)58.

Лет до 35 все это довольно прикольно и интересно. Запустить старт-ап,

ловить хайпы, переезжать в разные места, работать удаленно. Но потом нужны какие-то взрослые смыслы и ориентиры, а их нет. «Текущая

современность» предлагает быть вечным подростком, прыгающим с места не место и не огорчающимся из-за того, что каждый раз все начинается с

чистого листа.

Описанное Жаком Бодрийяром потребление как символическая система59 –

это не только манипуляции сознанием в интересах капитала. Но это и потребность сетевого, текучего общества иметь хоть какую-то систему

координат. На самом деле, что еще, кроме дорогой машины и брендовых аксессуаров, может сетевому среднему человеку доказывать общественный успех и статус? Уважения он лишен, независимо от заслуг, поскольку

устойчивых социальных связей и координат нет (Дюркгейм называл это аномией). Репутация подразумевает какие-то культурные, смысловые

ориентиры, разделяемые большинством, а это слишком сложно для жидкого общества. По умолчанию, никакая деятельность не заслуживает уважения,

потому что она ведется в целях личного обогащения, успеха и потому что человеку так комфортно. Кому-то комфортно быть инженером, кому-то

проституткой. Если это не нарушает закон, все равны, и все это в конечном счете делается для личного обогащения.

В твердой социальной структуре современный человек чаще всего не участвует, поэтому определить его место в иерархии невозможно. А вот дорогой автомобиль и новый айфон однозначно понятен другим таким же членам сетевого, жидкого общества.

Следующая проблема состоит в том, что такое сетевое устройство, дезориентация, устранение сложных цивилизационных институтов из

повседневной жизни ведут к деградации трудовой дееспособности.

Хотя сетевые институты более свободные, чем иерархические, в них потеряна существенная функция, которая присутствовала в иерархических институтах. Иерархические институты спускали парадигмы модернизации, научного знания сверху вниз. У сетевых институтов такого собственного механизма нет.

Модернизационное начало заложено в законах или цифровизации – если эти институты внедряют государственные власти и крупные корпорации. В крупных корпорациях объективно сконцентрирован лучший человеческий капитал, накоплены знания и компетенции. У малого бизнеса и фри-

лансеров таких возможностей нет – даже если это миллиарды людей. Сами сетевые

58 Bauman, Z. (2000) *Liquid Modernity*. Cambridge: Polity Press

59 Baudrillard, J. (1998). *The Consumer Society: Myths and Structures*. London: Sage Publications.

институты не воспроизводят свою цивилизационную инфраструктуру. Мы обсудим это далее подробнее в разделе о проблеме общественных благ.

Массовые потребители предъявляют спрос, и массовый малый и средний бизнес удовлетворяет этот спрос. Массы не предъявляют спрос на сложные знания, истину и ценности.

Социальные нормы в эпоху экономики знаний – это не простой договор в духе «не обкрадывать друг друга». Для внедрения сложных социальных норм необходима кристаллизация социальной структуры, возникновение инфлюенсеров, несущих сложные нормы общественного договора. Пока же мы видим, наоборот, исчезновение таких инфлюэнсеров из повседневной жизни. Такими инфлюэнсерами были классические Медиа, авторы

многотиражных научно-популярных книг, аналитические журналисты,

эксперты, уважаемые политики.

Сегодня массы соглашаются только на тех инфлюэнсеров,

которые комфортны. Это ведет к примитивизации социальных норм, деградации социального капитала и доверия, сведению большинства социальных контрактов на уровень торга в каждом частном случае.

Усложнение экономики знаний не совместимо с упрощением социальных норм. Это будет порождать и уже порождает самые грубые и архаичные формы регулирования отношений, такие как рост организованной преступности, решение внешнеполитических проблем через войну, а не дипломатию, потеря сложных отраслей промышленности и т.д.

Следующая проблема сетевой организации в том, что сетевые институты порождают рассогласования и негативные экстерналии. Подробно эти институциональные эффекты и ловушки обсуждаются в третьей части книги. Сетевые институты, будучи запрограммированы извне, сами эти проблемы не исправляют. Тогда как иерархические корпорации имеют механизмы обратной связи и саморефлексии.

Институциональная матрица сетевых институтов была продумана и создана на Западе во второй половине 20-го века – во времена еще сильного

государства и сильных элит. Сегодня сетевые институты действуют по инерции в этой матрице, но того сильного государства и элит уже нет. А сами сетевые институты обновлять и совершенствовать свое институциональное регулирование не могут – в силу системной проблемы общественных благ при либертарианской организации. А также в силу опи-

санной в части 1.10 проблемы институтов как метакогнитивных рамок: институты, созданные не нами, до поры до времени воспринимаются как нечто существующее по умолчанию, само собой. Их ценность замечают, только когда институт исчезает.

Сетевые институты и восстание масс

Нельзя отделить институты от тех живых общественных тенденций, которые происходят в наше время. Чтобы в полной мере понимать проблемы современных сетевых институтов, надо принять во внимание

продолжающийся на протяжении всего 20-го, а затем 21-го века масштабный процесс «восстания масс».

Резкий рост производственных возможностей и уровня жизни сначала на Западе, а потом и во всем мире, вызвал к жизни массовый средний класс. Миллиарды еще недавно нищих и безграмотных крестьян получили доступ к городскому образу жизни, общему школьному образованию, медицине и социальной защите.

Формирование массового среднего класса само по себе стало мощным драйвером развития экономики. Городской образ жизни и промышленное производство обеспечивают на порядок более высокий уровень производительности труда. Распространение школ, детских садов и автоматизации

домашнего хозяйства (водоснабжение, стиральные машины, электроплиты и т.д.) освободили женщин от значительной части домашней работы. Это позволило массово вовлечь женщин в наемный труд.

Все это вместе уже в 20-м веке резко повысило и производительность труда, и

валовое производство, поскольку выросло и число трудящихся.

Массовый средний класс сформировал и спрос на производимую продукцию – сегодня в большинстве стран около 60-70% ВВП

обеспечиваются конечным спросом домохозяйств.

Это создало решение для развития догоняющих стран, например, Индии или Африки – эти страны могут ускоренно развиваться за счет своего внутреннего рынка (продолжения урбанизации), а не обязательно только за счет экспорта.

В экономическом аспекте урбанизация, формирование массового среднего класса принесло огромное благо всем народам мира, помогло решить множество проблем, обусловленных бедностью и аграрным образом жизни, таких как голод, высокая смертность, отсутствие гражданских прав, криминал, бытовая жестокость и так далее.

В странах догоняющего развития, например, в Индии, где урбанизация

охватывает все еще немногим более трети населения, разница в зарплате между городом и деревней и сейчас состав-

ляет 5-10 раз. Доходы сельских

жителей начинают подтягиваться к городским только в странах с высоким уровнем урбанизации, поскольку численность сельского населения невелика, а обеспеченность сельских работников техникой и другими основными фондами ненамного ниже, чем в городе. В этом состоял и экономический аспект сталинской коллективизации сельского хозяйства: управляемое переселение крестьян в города и обеспечение оставшегося сельского населения сельхозтехникой и более современными аграрными методами.

Урбанизация, формирование массового среднего класса – это безусловно благотворное и прогрессивное социально-экономическое явление. Между

тем, как любое революционное изменение общества, особенно основанное на технологиях, оно порождает экстерналии и нежелательные социальные эффекты.

Таким социальным эффектом стало то, что обычно называют термином восстание масс, по названию книги испанского философа Ортеги-и-Гассета, опубликованной в 1930 году. «Масса – это посредственность, – пишет Ортега-и-Гассет – (...) и не обманываясь насчет собственной заурядности,

безбоязненно утверждает свое право на нее и навязывают ее всем и всюду. Как говорят американцы, выделяться неприлично. Масса сминает непохожее, недюжинное и лучшее. Кто не такой, как все, кто думает не так, как все, рискует

ет стать изгоем. И ясно, что «все» – это отнюдь не все. Мир обычно

был неоднородным единством массы и независимых меньшинств. Сегодня весь мир стал массой»⁶⁰. Ортега-и-Гассет уже в 1930-е гг констатирует

наступление эпохи диктатуры посредственности. Массы средних людей, приобрели общественную власть, не выдвигая из своей среды лучших, а оставаясь массами. Как обсуждалось в первой части, социальная норма имеет тенденцию к унификации и диктатуре. Теперь это диктатура усредненной, массовой, вульгарной социальной нормы.

Массы не стремятся стать лучше, не выдвигают лучших из своей среды. Они

«не требуют ничего и для них жить – это плыть по течению, оставаясь таким, каков ни на есть, и не силясь перерастить себя» (там же).

Эту же проблему описывает Михаил Булгаков в повести «Собачье сердце» (1925 г.)⁶¹. Долгое время эта повесть (и фильм на ее основе, снятый

Бортником в 1986 году) воспринималась как критика большевизма. Однако сейчас, спустя сто лет, когда споры про Октябрьскую революцию отошли в прошлое, эта книга остается на удивление актуальной. По совпадению, я пересмотрел фильм «Собачье сердце», находясь в Индии – и меня потрясло, насколько тема этого произведения созвучна социальной проблематике современной Индии. То есть от-

ношений энергичных и вульгарных масс, претендующих на свое место в жизни, и более старых элитарных социальных классов.

Но это происходит не только в развивающихся странах, где урбанизация активно происходила в последние десятилетия или только еще продолжается. В странах Европы и США восстание масс представлено массовым притоком мигрантов. Социологи давно уже указывают на

60 Gasset, Jose Ortega Y. (1930). *The Revolt of the Masses*. El Sol.

61 Bulgakov, M. (1968). *Heart of a Dog*. Paris: UMSA-Press. Note: The story was written in 1925 and was distributed independently from hand to hand, first published in 1968.

классовый аспект мигрантской проблемы, который в большей степени определяет поведение мигрантов, чем их этническое происхождение.

Проблема восстания масс часто обсуждается с культурной точки зрения. Массы вульгарны, глупы и остаются крайне дремучими, невзирая на городской образ жизни. Их жизненные устремления – вульгарно мещанские. Из всего богатства цивилизации и культуры, которое становится им доступно, они выбирают только то, что соответствует самым простым и пошлым мещанским представлениям о благополучии и успехе.

На это можно возразить, что до сих пор массы были способны к

постепенному окультуриванию, пусть и не за одно поколение. Подобной такой критике подвергали и рабоче-крестьянские массы 1920-х гг., и американских предпринимателей и пролетариев 19-20 веков, и китайские народные массы середины 20-го века, – в общем, любых выходцев из низов.

Однако и русские большевики, и американские предприниматели, и китайские коммунисты в итоге доказали свои лидерские и управленческие способности. Эти способности оказались как раз намного выше, чем у представителей старых, аристократических и очень культурных элит. Поэтому, в частности, вульгарные большевики разгромили белых аристократов.

Постепенное окультуривание этих энергичных лидеров из народа в те годы представлялось неизбежным. Один из героев романа Ильи Эренбурга «День второй» (1933 г.) говорит:

«...а здесь должны умиляться все. После Платона, после Паскаля, после Ницше – не угодно ли: Сенька-шахтер заговорил! Причем, ввиду столь

торжественного события, обязаны тотчас же и навеки замолчать все граждане, которые умели говорить до Сеньки. Бернард Шоу от восхищения давится икрой, а потом спешит в Лондон. Там он сможет говорить, не считаясь с Сеньками. Разрешите задать еще один вопрос. Хорошо. Сенька гово-

рит. Он на рабфаке. Он будет красным профессором. Он научится носить галстуки и цитировать Маркса по первоисточнику. Его сын будет выбирать галстуки, сообразуясь с цветом пиджака, и цитировать не только Маркса, но даже Канта. Спрашивается, что будет делать его внук? Писать поэмы о галстуках? Опровергать Маркса с помощью Ницше? Нюхать кокаин

от мировой тоски?»62.

Этому критику Сеньки-шахтера представляется фактически неизбежным и несомненным то, что шахтер, или во всяком случае его дети и внуки, будут

цивилизованы и культурны. Именно так в России и произошло, во всяком случае, на первом этапе. Выходцы из деревень и рабфаков к 1950-60-м годам

стали академиками и обеспечили прорывы в науке и технике. Но постепенно механизм окультуривания восставших масс перестал работать – и в России, и в странах Европы и США.

62 Ehrenburg, I. (1934). Day Two. Moscow: Soviet Literature.

Это предсказывал и сам Ортега-и-Гассет, и к нашему времени его

предсказания развернулись во всем масштабе. И существование этого

механизма окультуривания масс, и его постепенная отмена, объясняются вполне понятным образом.

В начале 20-го века образование, культура, медиа и политика принадлежали

высшим слоям общества. Сами эти высшие слои за столетия своего

господства выработали, несомненно, высокую культуру, искусство, образовательные стандарты, стандарты поведения (в том числе, делового и

политического). В первой половине 20-го века, невзирая на ускоренное

внедрение республиканских институтов на всем Западе, эти элиты в

основном продолжали держать контрольный пакет в культуре, образовании, политике и медиа.

Сказывался и «эффект колеи» – институты образования и культуры

продолжали действовать по уже сформированным аристократическим

стандартам. Даже в странах, где прежние элиты целенаправленно были отстранены от власти и собственности, как это произошло в России после 1917 года, не было другой культуры и образования, кроме дворянской и аристократической.

В этом смысле первые поколения 20-го века, получившие доступ к общему

образованию, равным возможностям, на самом деле получили уникальный

доступ к еще аристократическому образованию и культуре – просто потому, что других и не было. Многие учителя, профессора, старшие офицеры, деятели культуры были еще буквально людьми старой закалки.

Сталин сказал про Ленина, что тот «сочетал в себе русских размах с американской деловитостью» – но Ленин сочетал все это еще и с русской дворянской культурой.

В России принято окружать особыми почестями ветеранов ВОВ, из которых сейчас уже немногие остались в живых. В моем детстве таких людей было кругом еще много, уже очень пожилых, хотя многие из них еще работали и были нашими учителями и профессорами. Они действительно сильно отличались от других – твердостью характера, принципами, благородством, и вместе с тем добротой и оптимизмом.

Тогда мне казалось, что это черта пожилых людей вообще. Позже я понял, насколько уникальным было это поколение. И дело не только в сформировавших их тяготах войны и великих советских строек. Дело еще в тех действительно высоких стандартах культуры и образования, которые преобладали во время их молодости. Это было поколение, прошедшее тяготы, ощущавшее себя победителями, строителями лучшего мира, и вместе с тем получившими доступ к образованию и культуре, ранее доступных лишь для аристократов. (Портрет этого поколения представлен, например в х/ф

«Послесловие» режиссера Марлена Хуциева).

По мере масштабирования на все население и по мере отхода старых элит в прошлое, стандарты понижались, упрощались. Образование и культура

постепенно превратились в конвейер, учитель – в работника конвейера, такого же представителя масс, как и ученики.

Знаковым рубежом в Европе и США стала революция 1968 года, под лозунгами «секс, наркотики, рок-н-ролл» – отменявшая прежние классические

стандарты культуры, трудовой дисциплины и отношений.

Культурная революция 1968 года стала как бы рубежом, после которого массы перестали даже имитировать аристократические стандарты. Массы объявили, что они устали соответствовать этим старым стандартам. Поскольку у масс нет своих высоких стандартов, за ориентиры были взяты просто нравы и желания среднего человека. Это действительно разворотный момент, поскольку до этого массы как бы должны были тянуться вверх, а теперь стандартными стали пониженные, вульгарные мещанские нравы.

«Жить как себе комфортно», свобода от любых обязанностей, «у каждого свое мнение» – это представления масс, которым сейчас для благовидности и политического спектакля придают роль неолиберальной идеологии.

В России эта культурная революция была отложена до

1991 года, но смысл ее совершенно тот же. Журналист Сергей Доренко рассказывал по этому

поводу историю криминального авторитета, который в 1980-е годы пытался

купить диплом кандидата наук. Доренко заключал эту историю словами:

«раньше бандит пытался изобразить кандидата наук. А сейчас кандидат наук пытается быть похожим на бандита».

Этой проблеме перевернутого общества, перевернутых ценностей много внимания уделил С.Е. Кургинян в циклах лекций⁶³ «Суть времени» и «Школа сути», и в книге «Исав и Иаков»⁶⁴. Кургинян особенно подчеркивает, что быть

не таким как массы становится нежелательным, социально порицаемым.

Наличие более высоких культурных стандартов порицается, затрудняет социализацию. Это объясняется тем, что социальная норма имеет тенденцию к тотальности, что мы обсуждали в первой части.

Массы стремятся разрушить любые институты, которые включают в себя иерархию смыслов и ценностей – будь это государство (цветные революции) или замена традиционных СМИ (с редакционной политикой) на микрогруппы и ленты users generated content.

Массы не создают каких-то новых институтов целенаправленно, но оказываются очень созвучны рациональным экономиче-

ским институтам и

хорошо управляемы ими. Мещанские стремления масс – к потреблению товаров, удовольствиям и комфорту – в сущности адекватны парадигме рационального экономического человека, *human economicus*.

О проблеме раздутости рациональных институтов в ущерб общественным мы поговорим в следующей главе. Пока отметим, что процесс восстания

63 Kurginyan, S.E. (2012). The Essence of Time. In 4 volumes. Moscow: MOF ETC

64 Kurginyan, S. E. (2009). Esau and Jacob. International Public Foundation "Experimental Creative Center".

масс значительно превысил цивилизующие возможности прежних институтов. Своих же институтов цивилизации массы не порождают.

В большинстве стран Запада больше нет принципиальной разницы между элитами и массами. Современные элиты – это те же выходцы из масс (или имитируют таковых), без идеалов, ценностей, с преобладающей ценностью

личной сиюминутной выгоды. Дети потомственных элит вырастают в

обстановке той же пониженной социальной нормы, что и массы, поскольку

нормы едины для всех. Представление о культуре и смыс-

лах задается теми же метакогнитивными рамками, что и для масс – и так же не рефлексруется.

В этом состоит отмеченный Кристофером Лэшем феномен «Восстания элит»⁶⁵ – уподобление элит восставшим массам, о чем мы еще поговорим подробнее далее.

⁶⁵ Lasch, C. (1995). *The Revolt of the Elites and the Betrayal of Democracy*. W. W. Norton & Company.

2.2 КОРПОРАЦИИ КАК ИЕРАРХИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ

Корпорации и раньше имели эффект масштаба производства, доступ к капиталу и властным возможностям, несравнимый с малым и средним

бизнесом. В 21-м веке, в эпоху экономики знаний, этот отрыв еще больше

усилился за счет темпов развития и высокой стоимости инноваций.

Ведущими моделями искусственного интеллекта владеют корпорации, чья капитализация составляет больше, чем ВВП многих стран.

Инновации становятся все более дорогими, а эффект масштаба все более тотальным. Диджитал монополии и олигополии, такие как Майкрософт или Фейсбук в США, Таобао и Вичат в Китае, Яндекс маркет / такси и Сбербанк он-

лайн в России, это естественные монополии эпохи диджитал. Естественный монополизм тут основан на чрезвычайно низкой маржинальности каждой транзакции и малой прибыли с каждого клиента. Бизнес должен окупаться за счет миллионов клиентов и позволять при этом поддерживать очень дорогостоящие инвестиции в Rersearch & Development.

Эти диджитал платформы носят инфраструктурный характер, поэтому клиентам удобнее находиться в рамках одной коммуникационной системы. Стыковки между платформами, разным программным обеспечением слишком неудобны для клиентов, поэтому сами эти платформы имеют естественную тенденцию к слиянию. Этим же принципом обусловлен естественный монополизм индустриальной эпохи – например, железные дороги остаются естественной монополией во многих странах.

Современные корпорации не обязательно должны образовывать монополии или олигополии, но они объективно укрупняются. Цена исследований и разработок очень высока. Риски венчурных инвестиций требуют диверсификации и вынужденных потерь на многих новых направлениях. Замедлить инновационный процесс не позволяет обострившаяся мировая конкуренция, где в инновационную конкуренцию активно включились крупные развивающиеся страны.

Сделанный в России акцент на развитие экономики на основе нескольких десятков крупнейших корпораций, связан как раз с этой необходимостью укрупнения.

Выше я уже писал про роль корпораций как структур коллективного интеллекта. Именно корпорации способны внедрить сложные модели коллективного мышления и знания. Некоторые наивные исследователи

пытаются увидеть будущее коллективного интеллекта в онлайн-нетворкинге,

сетевом сотрудничестве. Интернет это в основном библиотека, причем на одну книгу в этой библиотеке приходится 18 тонн мусора и грязи. Библиотека – это еще не мозг. Несколько мозгов, объединенных в сеть – это не более чем несколько человеческих мозгов. Только корпорации способны организовать коллективный мозг. Это достигается с помощью современных информационных систем, спланированных процедур принятия решений, экспертных иерархий и автоматизированных экспертных систем, систем контроля и обратной связи.

Особую роль играет и транснациональный характер современных крупных корпораций. Во-первых, это позволяет еще больше увеличивать размеры корпорации в мировом масштабе. Во-вторых, такие корпорации еще меньше

зависят от национального регулирования отдельных стран. Благодаря диверсификации, они могут манипулировать властями отдельных стран, угрожая вывести налоги и рабочие места в другую страну. Корпорации более эффективны, чем государственные институты, обладают капита-

лом, лучшими интеллектуальными ресурсами, содержат собственную разведку и частные военные компании.

Все это вместе создает у некоторых наблюдателей ощущение, что государства приходят в упадок, а ТНК приходят им на смену в качестве мировой, глобальной власти и суперэлиты. Особенно эти слухи были

популярны в первые десятилетия 21-го века, пока глобализация активно

развивалась. Затем власти США и ЕС прижали транснациональные

корпорации, при помощи тарифов и санкций. Но и сейчас продолжают распространяться как бы аналитические мнения, о том, что олигархия держит все нити мирового управления.

Эти рассуждения наивны. Вся мощь корпораций выросла на одной главной опоре, и государство полностью контролирует именно эту опору. Это право собственности.

Институциональные экономисты, в первую очередь Дуглас Норт, провели обширные исследования решающей роли института частной собственности в экономическом развитии Европы и США последних веков.

Как это принято в наше время, собственники хотели бы все заслуги приписать себе, получить прибыль, а затраты по возможности списать на общество.

Но в данном случае не получается. Институт частной собственности предоставлен корпорациям народом в целом, это результат общественного договора. Как мы обсуждали в пер-

вой части книги, конкретные институты – это как бы детализация общественного договора, приложение к основному договору, написанное мелким шрифтом.

Работающий институт частной собственности – это результат консенсуса общества и разных частей элит. Великие революции в Европе, в частности Великая французская и затем российская происходили в большой степени именно потому, что крупнейшие держатели собственности переставали ей

управлять в интересах всего общества. Пока общество считает, что капиталисты в целом приносят обществу больше пользы, чем вреда, капиталистов будут терпеть. Когда общество и части элит сочтут, что крупные владельцы собственности явно приносят больше вреда, чем пользы, то вопрос о собственности будет пересмотрен.

Думаю, что сами ТНК не испытывают лишнего иллюзий по этому поводу. Эти иллюзии популярны скорее в кругах политологов, конспирологов и других экзальтированных гуманитариев.

Это же относится и к популярной теме олигархии – сотен семейств, которые держат все нити управления через цепочки собственности. Тут тоже не надо переоценивать зловещую роль корпораций. Пресловутые цепочки собственности, ведущие к Блэкрок и подобным фондам – это цепочки из множества корпоративных звеньев, чаще всего с некон-

трольными пакетами владения. Эти цепочки не означают ничего иного, кроме финансового владения долями собственности. Например, Блэкрок через десяток звеньев владеет долей предприятия во Вьетнаме. В лучшем случае материнская компания сможет получить свою долю прибыли в этом предприятии, но вряд ли сможет даже повлиять на хозяйственное управление предприятием. Называть это щупальцами управления, протянутыми по всему миру – преувеличение.

Даже своим прямым подчиненным в американском отделе эта компания не может отдавать указания, выходящие за пределы бизнеса и правовых инструкций. Компания не может приказать им организовать акции гражданского протеста. Тем более она не сможет отдать такие указания компаниям, в которых владеет только долями собственности, и еще в чужой юрисдикции. Безусловно, олигархия влияет на политику, но в рамках элитных и лоббистских рычагов. А эти рычаги довольно ограничены, по своей природе.

Те, кто обсуждает конспирологические замыслы элит по управлению мировыми процессами, обычно неправильно себе представляют, как работают институты. Эти конспирологи находятся в плену метакогнитивной

рамки, согласно которой всегда есть какой-то скрытный и хитрый план, а за

ним есть тайное планирующее начальство, верхний субъект управления.

Каждый институт предоставляет инструментарий управления в конкретных областях. Армия ведет военные действия, а полиция ловит преступников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.